

Елена ЛЕНЁВА

Расплескавшийся виски

16+

Елена Ленёва

Расплескавшийся виски

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Ленёва Е. В.

Расплескавшийся виски / Е. В. Ленёва — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

Четвертая книга в серии "Расследования частного сыщика Максима Омского". Эндрю Кэмпбелл, шотландский эсквайр, умирает в почтенном возрасте в своем замке. Однако его старший сын Арчибальд подозревает, что отец ушел из жизни не по своей воле, и настаивает на судебно-медицинской экспертизе. Выясняется, что Эндрю умер от передозировки сердечных лекарств. Полицейское расследование приходит к выводу, что старик покончил жизнь самоубийством. Но Арчибальд не согласен с выводами полиции и нанимает детектива, чтобы выяснить причину и найти истинного виновника смерти отца. Максим Омский — частный сыщик — разбирается в непростом шотландском деле.

© Ленёва Е. В., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава I. «Если Бен-Невиса не видно, значит, идет дождь...»	10
Глава II. Виски или скотч?	18
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена Ленёва

Расплескавшийся виски

От автора. Благодарности

Действие книги происходит в загадочной, живописной Шотландии, наполненной королевскими тайнами, легендарными сражениями, старинными замками и аббатствами.

Автор выражает благодарность хозяевам и работникам Dalhousie Castle (Замок Далхауси) за незабываемый отпуск в окружении средневековых интерьеров, рыцарей, дружелюбных привидений и рассказы об истории замка, которые и подтолкнули к написанию детектива. Dalhousie Castle стал последним замком в Шотландии, который лично осаждал английский король; здесь в разное время проживали короли Англии Генрих Четвертый и Яков Шестой – сын Марии Стюарт. Да и сама шотландская королева 30 июня 1563 года во время поездки в Рослин останавливалась на ночлег в Dalhousie Castle.

Также автор благодарит Роберта Сазерленда – ныне почтенного пенсионера, в прошлом Старшего Констебля Отдела по расследованию тяжких преступлений полиции Эдинбурга за некоторые идеи, рекомендации и беседы о полицейских буднях Шотландии.

Благодарность выражается и работникам винокурни Lagavulin (Лагавулин), расположенной на острове Islay (Айла), – производителям непревзойденного Scotch whisky с ярким торфяным характером и дымным ароматом за превосходную дегустацию и замечательный рассказ о производстве и истории шотландского виски.

С особой признательностью автор обращается к Анастасии и Кристиану, которые...

...впрочем, автор оставляет за собой право не аргументировать мотивы своей сердечной им благодарности.

Все имена и события вымышлены.

Всякое совпадение является случайным.

Пролог

– Динь-динь-динь, динь-динь-динь. Колокольчик звенит. Этот звон, этот звон о любви говорит...

Романс закончился. Сэр Эндрю Кэмпбелл встал с кресла, подошел к окну, отодвинул тяжелую бордовую штору. Небо хмурое. А бывает ли оно другим, не хмурым, здесь, в Шотландии? Бывает, конечно, но не в октябре; ясное небо в это время года – редкость. Сад, на удивление, зеленый, лишь кое-где желтые и красные пятна на деревьях привлекают взгляд. На лужайке возится садовник. Все как всегда: тихо, спокойно, хмуро-печально...

Сэр Эндрю вернулся к камину, подбросил дрова, открыл барную дверцу, рассматривал бутылки. Виски. Вернее, шотландский скотч. Такой коллекции позавидовал бы любой ценитель этого напитка. Какое-то время он раздумывал, какой сорт выбрать. Пожалуй, торфяной односолодовый... «Лагавулин». Да-да, вот эта бутылочка подойдет. Кэмпбелл открыл бутылку скотча шестнадцатилетней выдержки, вдохнул дымный, тонкий древесный аромат, плеснул в хрустальный тюльпан привычный «сингл шот» виски, поиграл напитком, перекачивая янтарную жидкость по стенкам тюльпана, довольно хмыкнул, затем поставил бокал на овальный стол у кресла. За годы он научился безошибочно отмерять полторы унции виски, несмотря на то что глаза уже совсем не те, что в молодости. Старые глаза, чего уж там говорить, без сильных плюсовых линз он давно не обходится. Сэр Эндрю подошел к окну, постоял, задумавшись, возле немодной ныне, но такой родной радиолы «Эдвард» и вновь опустил иглу на дорожку винилового диска.

Старая пластинка зашуршала, заиграли две гитары. А потом запел голос. Сэр Эндрю мог слушать этот голос бесконечно.

– В лунном сиянье снег серебрится... – подпевал он. – Вдоль по дороге троечка мчится...

Русские слова были сложны для произношения. Он так и не выучил родной язык Машеньки, жены, хотя прожил с ней, урожденной Марией Урусовой, в любви и счастье почти шестьдесят лет. Два года, как его Маши нет. А он слушает русские песни. Это ее голос звучит на виниловой пластинке. Сорок лет назад он записал этот голос-колокольчик на грампластинку и с тех пор слушал его и наслаждался дивными переливами.

Старший сын Арчи после смерти Машеньки записал все ее песни на компакт-диск. Голос жены зазвучал по-новому, звонко и чисто. Но сэр Эндрю так и не привык к новым технологиям, ему казалось, есть что-то фальшивое в таком звучании. Чтобы не обижать сына, он принял подарок с благодарностью, но, когда оставался один в замке, подходил к любимой радиоле и ставил старую пластинку.

Крутится винил:

– В лунном сиянии, ранней весной... – сэр Эндрю вытер мокрые глаза. – Помнятся встречи, друг мой, с тобою... Динь-динь-динь, динь-динь-динь... Колокольчик звенел...

Встретились они в пятьдесят шестом году в Париже. Эндрю, двадцатитрехлетний разгильдяй, сын адвоката Грегори Кэмпбелла, шотландского эсквайра, прогуливался по Монмартру, пытаясь зацепить симпатичную девчонку и весело провести вечерок в отеле Ритц. На ступеньках лестницы, ведущей к Сакре-Кёр, сидела девушка с корзинкой, заполненной сухими цветами. Цветочные букеты цепляли взгляд (право, как настоящие!), и поначалу он обратил внимание именно на них, а уже потом на девушку. А она была прехорошенькая. Он остановился на пару ступенек ниже и, спросил, заикаясь:

– Вы продаете цветы?

Глупый вопрос. Но ничего умнее в тот момент он не придумал.

– Да, мистер, – ответила она по-английски.

– О! А как вы поняли, что я из Великобритании?

– Акцент. У британцев своеобразный акцент. А вы, скорее всего, шотландец, – улыбнулась она и прищурилась: солнце светило ей прямо в глаза.

– То есть по одной фразе вы поняли это?

– Да.

– Надо же. А ваш английский великолепный.

– Спасибо. У нас в семье обучать языкам начинают с детства.

Странная девушка. В семье обучают языкам, а она продает цветы на Монмартре.

– Вы работаете в цветочном магазине? – спросил он.

– Нет. Я сама делаю эти букеты. Это мое творчество. Надо зарабатывать деньги.

Он ничего не понимал. А девушка улыбнулась такой лучистой улыбкой, что он растерялся. Мысль о том, что именно с ней он мог бы поразвлечься в Ритц-отеле, совершенно не приходила в голову.

– А что, у вас нет другой работы?

– Почему, нет? Я медсестра. Но денег не хватает. К тому же я старшая в семье, у меня еще есть младшие брат и сестра. Папа погиб в сорок четвертом. А маме одной трудно. Поэтому я по вечерам делаю цветы, а по воскресеньям продаю их в туристических местах.

– Покупают?

– Когда как. Бывают очень хорошие дни.

– Мне нравятся ваши букеты. Как будто только с клумбы. Давайте-ка я их куплю.

– С удовольствием продам вам, мистер. Какой букет вам больше нравится?

– Я возьму все, что у вас есть.

– Все?

– Ну да.

– А зачем вам столько цветов?

– Пригодятся.

– Что ж, берите. Я отдам вам вместе с корзинкой.

– Очень хорошо. Сколько с меня?

– Тридцать франков. И два франка за корзинку.

– А как вас зовут, мадмуазель? – наконец, Эндрю осмелел, – или... мадам?

Он полез в карман брюк, достал франки и начал отсчитывать.

– Мария, – ответила она, улыбаясь, и добавила: – Мадемуазель.

Он был рад, что девушка не замужем.

– А меня – Эндрю. – Он чуть наклонил голову. – Кажется, у меня не хватает двух франков. Но без корзинки мне не донести.

Он передал девушке банкноты. Мария взяла деньги, пожала плечами, улыбнулась.

– Ладно, я подарю вам корзинку. В конце концов...

– Нет, что вы. Могу принести вам два франка завтра, но, лучше, если мы подъедем в отель, где я остановился, и я вынесу вам деньги прямо сейчас.

– Не беспокойтесь. Правда, ничего страшного. – Она покачала головой. – А завтра у меня работа в госпитале.

Эндрю рискнул:

– Мне не хочется с вами расставаться. Давайте просто прогуляемся, если не хотите...

Она рассмеялась:

– А вы хитрец. Значит, вы купили цветы, чтобы со мной познакомиться?

Какая-то женщина остановилась около них и спросила:

– Почем букеты, красавица?

– Не продаются, – ответил Эндрю. – Я уже все скупил.

– Приходите в следующее воскресенье, мадам, я еще принесу, – ответила ей Мария.

– А ирисы у тебя есть? Мне нужна корзинка с ирисами.

– Да, есть.

– Я обязательно приду. Не забудь про меня.

– Хорошо, мадам.

– Вы где-то учились делать сухие композиции? – Эндрю расспрашивал девушку, не хотел отпускать.

– Меня научила тетя, – сказала она просто. – Мне пора идти. Я на метро. А вы как поедете? Вы же отдали мне все деньги, – она снова рассмеялась.

– Я на такси. Таксист подождет, пока я поднимусь в номер за франками. Послушайте, Мария, давайте поймаем такси. Здесь, у метро, есть стоянка. Я отнесу цветы в номер, возьму деньги для таксиста и два франка для вас, а потом пойдем погуляем.

– Право, не знаю...

Мария не решалась.

Они спускались с Монмартра и почти дошли до бульвара Рошшуар. Эндрю вдруг осознал, что может больше никогда не увидеть эту девушку. Послезавтра он улетает домой, в Шотландию.

– Вы меня боитесь? Обещаю хорошо себя вести, – сказал он искренне и смущенно улыбнулся.

– Вы не кажетесь мне злодеем. Однако...

– Вот и такси. Мы доедем быстро, потом погуляем по городу. Я очень люблю Париж. А сейчас на набережной Сены играют музыканты... Обещаю также потом проводить вас до дому, Мария.

– Вы едете или нет? – спросил таксист.

– Да, мы едем. Вандомская площадь, отель Ритц, – ответил Эндрю таксисту.

Потом они долго гуляли по Парижу, наслаждались игрой музыкантов, сидели на террасе знаменитого парижского кафе и разговаривали, разговаривали... Они мешали английские и французские слова, и от этого им становилось смешно. Маша пила зеленый чай, а Эндрю красное вино. Хотя ему очень хотелось выпить виски. Но он не рискнул. Эндрю вообще себя не узнавал: рядом с этой девушкой он был другим, и такой он себе очень нравился.

Это счастье, что он забрел на Монмартр в тот день. Иначе они никогда бы не встретились.

Через две недели он снова прилетел в Париж. И сделал предложение Марии Урусовой, русской княжне. Княжна жила в небольшой квартирке на улице Пуассоньер вместе с мамой, младшими братом и сестрой. Рядом, в пятнадцатиметровой студии, жила тетя – сестра погибшего отца, та, которая и научила Машеньку работать с цветами.

О том, что Мария не простая девушка, а княжна, было понятно по ее манерам и воспитанию. Она свободно говорила на французском, английском и немецком. А родной язык Маши был русский. (А он – Эндрю – только французский и осилил, да и то, признаться, говорил на нем с чудовищным акцентом.) Семья Маши жила бедно. Но это была благородная бедность. Никто не роптал. Семнадцатилетняя младшая сестра после учебы и по выходным дням подрабатывала в госпитале санитаркой. Четырнадцатилетний брат также вносил в семейную копилку несколько франков: помогал на ипподроме ухаживать за лошадьми.

Поначалу его родители были против отношений сына с непонятной русской. Даже грозились лишить его наследства. Он готов был пойти работать, делать сухие букеты вместе с Машей, убирать за больными и много чего еще, лишь бы она была рядом. А когда Эндрю привез Марию Урусову в Шотландию, познакомил с родителями, сэр Грегори Кэмпбелл и мама, Элиза Мак-Лауд, приняли Машу как родную.

Ее нельзя было не любить. И долгих пятьдесят девять лет они прожили в любви и согласии. У них трое замечательных детей: Арчибальд, Максвелл и Джесси, пятеро внуков.

Но два года назад Маша ушла. Тихо, во сне. Она не болела, нет, просто однажды не проснулась. Легкая смерть. Он знает, что Машенька ждет его там, на небесах. А то, что она на небесах, он не сомневался.

Эндрю восемьдесят шесть. У него крепкое здоровье. Сколько еще лет жизни даст ему Господь? Хотелось бы дождаться правнуков. Одно только беспокоит: странный выбор дочери. Он подумал о Джесси и губы сжались. Да, в последнее время дочь его огорчает...

А пластинка крутилась:

– Динь-динь-динь, динь-динь-динь – звон бокалов шумит...

Сэр Эндрю взял в руки бокал. Виски уже насытился кислородом, раскрылся.

– Маша моя, Машенька... – произнес он, вдохнул торфяной аромат и отхлебнул свой любимый скотч. Тепло разлилось по телу. Еще один глоток. Потом тихонько подхватил песню: – Колокольчик звенит. Этот звон, этот звон о любви говорит...

Стало тяжело дышать. Сердце сжалось. Или, наоборот, расширилось. Комната окрасилась в желтые тона. Все предметы приобрели ореолы желтого цвета: «Как на картинах Ван Гога», – почему-то подумал Эндрю. Хрустальный тюльпан выпал из его рук. Покатился по полу, расплескивая капли благородного напитка.

Глаза сэра Кэмпбелла закатились.

Глава I. «Если Бен-Невиса не видно, значит, идет дождь...»

Сегодня исполнился ровно двадцать один год с тех пор, как Максим Омский, отработав два года оперативником, ушел из милиции и открыл свое детективное агентство. И с тех пор сыщик Омский расследовал уголовные преступления и оказывал детективные услуги частным образом. Все законно: у Макса есть лицензия, позволяющая ему заниматься частной сыской деятельностью и оказывать услуги, предусмотренные частью Второй, статьи Третьей Закона о частной детективной и охранной деятельности.

Его сыщицкое предприятие хорошо известно в Москве и набирает популярности за пределами столицы. Пару месяцев назад он расследовал довольно непростое дело в Иркутске (предложение поступило от влиятельного местного бизнесмена), на днях закончил разбираться со странными убийствами, совершенными в Саратове (старый друг подбросил задачку!), да и питерские клиенты частенько пользуются услугами детектива Омского.

Приходилось Максу расследовать дела во Франции, Италии, даже в Мексике. Да-да, однажды прямо на Мексиканском побережье произошло загадочное убийство, которое Омский успешно распутал¹.

Конечно, работает он не один. Главный помощник, вернее, партнер и друг – Андрей Шустров. Все эти годы они занимаются сыщицкой деятельностью вместе. Великолепный собиратель информации Андрей Шустров и практический аналитик Максим Омский дополняют друг друга. У Макса – полицейский ум и блестящая интуиция, а у Андрея – энциклопедические знания, отличная память и... романтическое мироощущение.

Встретились Макс и Андрей случайно. В парижском кафе на Сан-Жермен-де-Пре. Макс тогда первый раз выехал за границу. И сразу в Париж! Андрей, любитель живописи и французского языка, в то время учился на специальных курсах, организованных факультетом истории искусств в Сорбонне. Там же, в Париже, он познакомил Макса с криминалистом, экспертом в области живописи и, по совместительству, частным детективом Мишелем Дебре. Эта поездка изменила его жизнь. По возвращении из Франции он уволился из милиции и организовал свое детективное агентство. С тех пор Андрей работал у Макса, помогал в разгадывании запутанных преступлений. И с Мишелем они не раз сотрудничали, расследовали не одно дело².

Агентство Омского редко простаивает без дел, и детективный тандем пользуется отличной репутацией: у клиентов, которые предпочитают по тем или иным причинам обращаться к частным детективам, и у полицейских. Со многими оперативниками, криминалистами, следователями Макс хорошо знаком, и такое знакомство отнюдь не мешает его профессиональной деятельности. Частенько даже приходится обмениваться с ними информацией (разумеется, если речь идет о тяжких преступлениях).

Но это сейчас. А поначалу, в конце девяностых и, пожалуй, до середины двухтысячных нужно было доказывать свой профессионализм. Сперва дела были попроще, потом был период с перестрелками. Он с трудом справлялся. Но все же ему удалось, не без помощи Андрея, найти нужную тропу, направление деятельности, перенести акцент с перестрелок и бандитских разборок на разгадывание необычных убийств и криминальных загадок.

Да, сейчас он респектабельный сыщик с репутацией человека умного, аналитически мыслящего, порядочного, которому удастся расследовать сложные дела и распутывать загадочные преступления. Но это заслуга не одного Макса. Кроме Андрея, у него много помощников во

---

^{1 1} О мексиканском расследовании можно прочесть в книге «Ловушка Кукулькана».

^{2 2} Романы «Покров Любви» и «Что в имени тебе моём?...»

всех регионах России. Да что там в России! У него прекрасный друг во Франции! Такого частного детектива поискать! В Италии – сыщик Алехандро, к которому всегда можно обратиться за помощью, даже в Китае и Америке есть частные детективы, с которыми приходилось сотрудничать...

Макс потянулся в кровати. Выходной. Он планировал провести этот день с женой и дочерью. Никаких преступлений, клиентов, расследований. Только дом! Он прошелся рукой под одеялом. Жены не было, но встала она недавно: от ее места исходило тепло.

Приятные мысли нарушил телефонный звонок. Макс посмотрел на номер: странный какой-то. Протер глаза. Так и есть – иностранный. Но точно не французский: номер Мишеля он знал наизусть.

«Не-е, не буду отвечать...»

Телефон замолчал, но через минуту зазвонил снова. Профессиональный интерес победил в схватке с воскресным и праздничным (двадцать один год все-таки!) настроением.

– Слушаю, – пробурчал он грубовато.

– Простите, что беспокою в воскресенье, – ответил бархатный мужской голос. – Я говорю с Максимом Омским?

– Да, – коротко ответил Макс.

– Арчибальд Кэмпбелл, адвокат, – представился голос. – Глава юридической конторы «Грегори Кэмпбелл» в городе Далкит... Округ Мидлотиан... э-э... недалеко от Эдинбурга, в Шотландии, – добавлял он географические названия через небольшие паузы.

И пока Макс раздумывал, кто его разыгрывает (не иначе Андрюха решил подшутить над шефом, преподнести «подарок» к совершеннолетию агентства – «Арчибальд» говорил на прекрасном русском языке!), «шотландец» продолжил:

– Мой хороший знакомый Мишель Дебре посоветовал к вам обратиться. Так что я звоню по его рекомендации, мистер Омский.

«Мишель? – попытка сообразить Макс. – То есть это не розыгрыш, шотландец настоящий? А откуда он знает русский язык?»

– У меня чрезвычайно важное дело. Мне необходима помощь частного детектива.

– Извините, – перебил его Макс, – мистер... э-э...

– Арчи.

– Арчи? Вы раньше называли друге имя.

– Да. Арчибальд. Арчи – короткое имя. Можете называть меня так.

– Договорились, – Макс кашлянул. – Скажите, Арчи, откуда вы так хорошо знаете русский язык?

«Нет, разыгрывают! Конечно, разыгрывают. Хм... Арчи... Давай, Арчи, выкручивайся».

– Моя мама русская. Вернее, француженка по паспорту. Она жила во Франции. Семья уехала из России после революции. Мария Урусова – так ее звали. Она разговаривала с нами, детьми, исключительно по-русски. Когда мы чуть подросли, подключила французский язык. Естественно, мы общались так только с ней, когда рядом не было отца. Так что русский язык такой же мне родной, как и французский, английский, шотландский, то есть скотс.

– Мм... – многозначительно промычал Макс. – Если честно, совершенно не понимаю, чем могу быть вам полезен. Разве в Ан... – он хотел сказать: в Англии, но вспомнил, что Англия – это всего лишь часть Соединенного Королевства и поправил: – В Великобритании разве нет хороших сыщиков? Лучшие сочинители детективов из вашей страны. Агата Кристи, Стивенсон, Конан Дойл, Честертон, Диккенс. Это же не просто так. Неужели в Шотландии нет приличного частного детектива?

– Наверное, есть. Но мне нужны вы.

– Кажется, я понял. Вам необходима некая информация отсюда, из России? Тогда, конечно, я вам помогу. То есть я сделаю все от меня зависящее, чтобы вам помочь. Если уж Мишель Дебре вас порекомендовал.

– Нет, мистер Омский...

– Если вы – Арчи, то я – просто Макс. Без всяких «мистеров», – он снова перебил шотландца.

– Договорились. Я хочу нанять вас на расследование убийства.

– Что-что? – Макс скривился: «Точно кто-то разыгрывает...»

– Не отказывайтесь сразу, пожалуйста. Подумайте. Я приглашаю вас в Хилхаузи Касл, в наш дом, чтобы вы провели расследование. Три недели назад умер мой отец. Я подозреваю, что совершено убийство. Но полиция склоняется к версии суицида, а мои родственники считают, что мог быть несчастный случай. Это абсолютно невозможно. Мой отец был жизнелюб и, несмотря на смерть моей матери два года назад (они очень любили друг друга), отец не собирался расставаться с жизнью. У него было крепкое здоровье, никаких серьезных болезней для его возраста. И вдруг – самоубийство? Наши органы дознания не хотят утруждать себя разбирательством. К тому же семья наша известна в округе. А мне нужна правда. Я не успокоюсь, пока не пойму, кто и почему убил отца.

– Но я совсем не знаю ваших законов. Ничего не понимаю в традициях, обычаях. Как я могу вести расследование?

– Именно это мне и нужно. Взгляд со стороны. Человек, независимый от наших идей, обычаев, способный проанализировать обстоятельства и найти ответы на вопросы. Я ведь тоже в какой-то степени сыщик. То есть я адвокат. Вы же знаете, что хороший адвокат всегда собирает и отбирает информацию. Но в данном случае я – заинтересованное лицо. Я не могу беспристрастно рассматривать все обстоятельства дела. Понимаете?

– Но вы могли бы нанять человека из другого региона Великобритании, который никак не связан с вашими местами.

– Я доверяю моему французскому Мегре – Мишелю. А он сказал, что лучше вас в моем деле никто не разберется. К тому же нас не будут сковывать языковые барьеры.

– Неужели у вас нет своих Шерлоков Холмсов?

– Наверное, есть, – в голосе шотландца почувствовались веселые нотки. – Кстати, он родился в Эдинбурге, в Шотландии.

– Кто? Шерлок? – удивился Макс: это же литературный персонаж!

– Нет, – засмеялся Арчибальд. – Артур Конан Дойл. Но он ирландец по происхождению.

– Знаете, у меня не проходит ощущение, что меня разыгрывают.

– Я понимаю. Наверное, вам нечасто звонят из Шотландии...

– Нечасто, – наконец, и Макс рассмеялся. – Арчи, вы хотите, чтобы я приехал в Шотландию?

– Да.

– И официально занялся расследованием... смерти вашего отца?

– Да.

– А если я приду к выводу, что версия полицейских верна?

– Что ж... Если у вас будут доказательства, я приму ваши выводы. Но, повторяю, у меня есть основания считать, что отца убили.

– Мистер Арчибальд... Кэмпбелл. – Макс обратился к шотландцу подчеркнуто серьезно. – Должен вас предупредить, что если я начинаю расследование, то довожу его до конца. Независимо от того, понравится вам его результат или нет. Вы не боитесь разочарования? Знаете, в таких делах часто замешаны близкие родственники. Может, лучше не копаться в семейных проблемах. Тем более что, как сказала ваша полиция, версию о самоубийстве никто не отменял. И еще вы что-то говорили о несчастном случае. Значит, и такая версия существует.

- Я так не могу, – тихо ответил Арчи. – А как же... истина? Папа... Я любил его.
- Но вы уверены, что это убийство?
- Да, уверен.
- И вы кого-нибудь подозреваете?
- Всех. Поэтому я и хочу, чтобы вы расследовали. Иначе так невозможно дальше жить.

Я подозреваю всех. Это ужасно.

Казалось, он всхлипнул.

- Арчи, ответьте мне еще на один вопрос.
- Слушаю вас.
- Кому выгодна смерть вашего отца?

– Если вы имеете в виду вопросы наследования, то мы – трое детей – первые наследники.

В завещании какие-то небольшие суммы отец оставил слугам, садовнику. Садовник работал у нас несколько лет, сейчас уже стар, но его младший сын продолжает дело отца. Есть суммы на благотворительность. Но все это мелочи. Состояние родителей делится на троих. Собственно, оно уже поделено при жизни родителей. Но буду с вами честен: адвокатская контора достается мне. То есть я... как бы это сказать... больше всех выигрываю в материальном плане от смерти отца.

Арчибальд замолчал. Макс тоже какое-то время молчал, обдумывал его слова.

– У меня было дело... – осторожно начал он. – Меня нанял человек для выяснения обстоятельств одного необычного убийства. И я... Знаете, мой клиент и оказался убийцей. Почему он меня нанял? Да из-за гордыни. Мол, никто не сможет раскрыть столь хитро организованное преступление. Поэтому...

– Я вас понял. Я не убивал своего отца и не боюсь тщательного расследования. Поэтому настоятельно прошу вас приехать к нам и помочь разобраться. Естественно, все расходы будут оплачены, я куплю вам билет. Что касается гонорара, назовите сумму.

– Хорошо. Я отвечу завтра.

– У вас есть виза?

– О... Я совсем не подумал. У нас с женой была виза на пять лет. Жену приглашал на выставку известный искусствовед и коллекционер. А я поехал за компанию. Мы были в Лондоне. Сейчас посмотрю, не закончилась ли она. Подождите минутку.

Макс вспомнил, что паспорт у него в офисе. А офис находится в другом подъезде. Хотел сказать об этом Арчи, но сообразил, что паспорт жены здесь – в спальне, в ящике с документами. Виза у них была одинаковая. Он залез в ящик, достал ее паспорт. В этот момент зашла Аня:

– А я слышу, ты проснулся и уже с кем-то разговариваешь. Завтракать пора.

– Доброе утро, родная. – Он поцеловал жену. – Подожди пару минут, я скоро закончу разговор. Очень интересный разговор, между прочим.

– А паспорт тебе мой зачем?

– Смотрю, до какого числа у нас виза в Англию.

– Ты собрался в Англию?

– Угу. То есть в Шотландию. Сейчас за завтраком все расскажу. – Он снова чмокнул жену в щеку.

Аня удивленно пожала плечами и вышла. Макс взял трубку:

– Арчи, вы здесь? Да, виза у меня действительно еще восемь месяцев.

– Очень хорошо. Значит, завтра вы сможете приехать?

– Завтра?

– А зачем откладывать?

– Э-э... у меня работа. Надо отдать распоряжения.

– Хорошо, я беру билет на вторник. Кстати, какой у вас размер обуви?

– Обuvi?

– Да.

– Сорок первый, – ответил Макс, все более удивляясь непривычным вопросам, на которые он, сыщик Омский, простодушно отвечал. Ну и ну! А ведь интересно, зачем Арчибальду Кэмпбеллу знать размер Максовых ботинок?

– Мне нужны ваши паспортные данные. Сбросьте мне на телефон. И ваш электронный адрес тоже. Я пришлю вам билеты. Если хотите приехать с женой...

– Нет-нет. Жена беременна, мы ждем второго ребенка.

– Это замечательно. У меня тоже двое детей. Что ж, как только я куплю билет, сразу сообщу. Спасибо, Максим. Очень надеюсь на вас.

Арчибальд отключился, а Макс повертел в руках трубку. Шотландец не дал ему время на раздумья. Ничего себе, обработал! Да уж! Милостиво разрешил прилететь не завтра, а послезавтра. И он, кажется, поддался... Да, интересно получается. А ведь Макс даже не спросил, как был убит (если это убийство, конечно) отец этого Арчи. Почему местная полиция выдвинула версию о самоубийстве? Повешение? Падение с высоты? Передоз таблеток, яд? А если несчастный случай, то повешение не подходит. Значит, яд? Или падение? Или что-то другое...

Придется выяснять на месте.

– Анечка, я готов завтракать. Что это у нас на столе? – Макс присел на стул и положил на колени салфетку.

Жена заговорщически приподняла объемную крышку над большим блюдом:

– С совершеннолетием, дорогой! – она засмеялась и обняла мужа. Ее объемный животик с пацаном внутри (так определили на УЗИ) коснулся его лица.

– Вот это да!

Макс благодарно посмотрел на жену. Большой медовый пирог с аккуратной масляной надписью: «21 год агентству Макса Омского» красовался на блюде. Должно быть, еще накануне Аня испекла его любимое лакомство. Знала, чем порадовать мужа.

Забегала пятилетняя Тата.

– Ну, теперь-то можно попробовать? – она развела руки в стороны: скопировала бабушку. – А то мама вчера вечером не дала мне даже попробовать. Папа, мама сказала, что пирог – для тебя, а мне надо потерпеть до утра. И еще сказала, чтобы я тебе ничего не говорила, это секрет. Но я половину надписи слизала, – бесхитростно призналась она.

Макс засмеялся:

– То-то я смотрю, почему часть надписи отличается по цвету? А это дочка слизала!

Он обнял Тату:

– Это пирог для всех, не только для меня.

– И для Саши?

– Для какого Саши? – удивился он.

– Для братика.

– Э-э... А что, его зовут Саша? – Макс посмотрел на жену. Та пожала плечами.

– Да. Александр Максимович Омский.

– Ну что ж, Таисия Максимовна... – Макс кашлянул, взглянул на жену: кажется, имя ребенку уже придумали без их ведома. – Значит, маме положен кусочек побольше – для двоих. Так?

– Так. И еще бабушке с дедушкой по кусочку и обязательно бабуле.

Бабушка с дедушкой – это родители Ани (они живут отдельно, на Патриарших), а бабуля – это Галина Петровна – бабушка Максима. Она старенькая, в этом году ей будет восемьдесят пять. Но бабуля прекрасно выглядит, гуляет не меньше километра в день и очень любит готовить. Все лето жена с дочкой прожили у нее на даче, да и сейчас, осенью, они стараются навещать ее почаще. Галина Петровна наотрез отказывается жить в Москве. Ее можно понять: дере-

венский воздух, вода из колодца, здоровая пища – неоспоримые плюсы деревенской жизни. Лишь бы не заболела: в деревню скорая помощь может приехать не так скоро. И Макс ехал до дачи полтора-два часа, не меньше. Однако на семейном совете решили пока оставить все как есть. Пару месяцев, до холодов. А там видно будет.

– Конечно, Тата, всем отложим по кусочку пирога, тем более что дедушка сегодня собирался зайти в гости.

Позавтракав, Макс рассказал Ане о телефонном разговоре.

– Знаешь, поначалу я подумал, что это меня Андрюха разыгрывает. Но, оказалось, шотландец настоящий. Как думаешь, согласиться на его предложение?

– Так ты уже согласился. Паспорт мой зачем смотрел? – она улыбнулась.

– Да, знаешь, этот Арчи... он как-то взял меня в оборот. Я не успел даже...

Аня покачала головой, все так же улыбаясь:

– Не оправдывайся. Первое решение – всегда правильное. Я тебя знаю. Если решил, что возьмешься за дело, то уже ничего тебя не остановит.

– Вы без меня недельку потерпите? Тем более что Саше еще не время появляться на свет. Пусть пару месяцев подождет.

Они оба рассмеялись.

– Нет, я ничего против имени Александр не имею. А ты?

– Хорошее имя.

– А вдруг девочка?

– Будет Александра.

– Тоже неплохо.

Он прижал жену, обхватил ее живот, вдохнул такой родной запах, поцеловал, промурлыкал:

– Как я вас всех люблю!

– Мы тоже тебя любим. – Аня растрепала его волосы. – Ладно, иди, работай. Я же чувствую, что тебе не терпится поговорить с Андреем.

Он спрятал голову в женин живот. И откуда она все знает? Мысли читает, ей-богу! Поднял глаза, благодарно посмотрел на нее:

– Я хотел провести весь день с вами, – произнес виновато.

– Иди. Нам есть чем заняться.

– Но мне будет нужна твоя помощь. Ты должна просветить меня немного по истории Шотландии. Хоть какие-то сведения. Я полнейший ноль. – Он сокрушенно вздохнул и хитро добавил: – Представляешь, даже не знал, что Артур Конан Дойл родился в Шотландии. Но, увы для шотландцев, создатель Шерлока – ирландец по происхождению.

Аня расхохоталась.

– Хитрец!

– Честно, не ведал до сегодняшнего утра. – Макс тоже рассмеялся. – Это мне Арчибальд Кэмпбелл рассказал.

– А я, представь, таких подробностей не знала.

– Ты многое другое знаешь.

– Не так и много. Общие сведения. А в каком округе Шотландии живет твой клиент?

– Он говорил. Но я не помню название. Кажется, недалеко от Эдинбурга.

– О, тогда обязательно надо увидеть Рослинскую часовню. У-у... – Аня причмокнула и загадочно покачала головой. – Только ради этой таинственной капеллы следует побывать в Шотландии!

– Даже не слышал про такую.

– А вот и неправда.

– Честно.

- Дэна Брауна читал? «Код да Винчи»! Вспоминай.
- А... Ну конечно! Поиск Чаши Грааля?!
- Между прочим, Дэн Браун рассказывал, что идея романа пришла ему во время посещения Рослинской часовни; его вдохновили история, архитектура и символы, которые до сих пор не разгаданы.
- Уже заинтригован.
- Так что поезжай, дорогой, в Шотландию. Там есть что посмотреть.
- Вообще-то я еду расследовать убийство.
- Я понимаю. Но время на часовню обязательно найди! Не пожалеешь.
- Найду. Все, иду в офис. Надо созвониться с Андреем.

***

Два дня пролетели быстро. Макс раздал поручения по текущим делам (благо, ничего сложного, требующего тщательного разбирательства, не было), закончил и отослал на Петровку обещанную выписку из архивов по делу, которое он расследовал параллельно с полицией десять лет назад (наверное, у следствия открылись новые обстоятельства и им понадобились дополнительные сведения), встретился с новым участковым и, наконец, освободил вечер понедельника для общения с Андреем.

– Значит, говоришь, в Шотландию летишь? – мечтательно произнес тот вместо приветствия, входя в офис.

Офис располагался в соседнем подъезде. Макс купил однокомнатную квартиру шесть лет назад специально для работы. Раньше он принимал посетителей дома, в небольшой двухкомнатной квартире, которую оставила ему бабуля. Но с появлением Анечки быстро понял, что, если он хочет завести семью (а он хотел!), надо сразу отделить дом и работу.

– И тебе добрый вечер, – засмеялся Макс. – Завидуешь, что ли?

– Еще бы.

– Так ты уже был в Эдинбурге. Я помню, лет пять назад тебя командировали по линии Интерпола.

– Был. Но с удовольствием посетил бы еще разок. Я же по работе летал, видел немного. Первым делом, Макс, поезжай в Рослин. Там есть старинная капелла. Это что-то невероятное!

Макс покачал головой:

– И ты туда же! Вот далась она вам.

– А кто еще? Анюта, что ли? – захохотал Андрей. – Макс, этот объект человеческого наследия надо хотя бы раз увидеть.

– Я уже понял. Буду просить Арчи... то есть клиента нашего, чтобы посодействовал. Но сначала придется поработать. Я еду, вообще-то, расследовать убийство. Если это убийство, конечно.

– Есть сомнения?

– У шотландской полиции есть. У Арчибальда Кэмпбелла нет. Он считает, что его отца убили.

– Что тебе понадобится от меня?

– Во-первых, за моими присмотреть. Мало ли, может, Анюте что-нибудь понадобится.

– Об этом мог бы и не напоминать.

– Я знаю, но у тебя ребенок маленький...

– Макс!

– Просто звони ей иногда.

– Ма-акс, это само собой разумеющееся. Что по делу?

– Пока не знаю. Завтра вечером выйду на связь. Определенно, что-нибудь понадобится.

- А как старик Кэмпбелл умер?
- Не знаю.
- Не знаешь? Ты не спросил?
- Слушай, я же тебе рассказывал, этот шотландец так быстро меня обработал, что я не успел задать нужные вопросы.
- О, на тебя не похоже.
- Да уж, сыщик Омский едет расследовать дело, о котором ничего не знает.
- Ладно, не дрейфь. – Андрей подколот-таки. – Мы тут поможем, если что.
- Только на тебя и надеюсь, – хмыкнул Макс.
- Билеты есть?
- Да, вчера еще Арчи их прислал. В бизнес-классе, между прочим. С множеством извинений, что мне придется пересаживаться в Лондоне. Нужно будет перейти в другой терминал для внутренних рейсов. Сэр Арчибальд Кэмпбелл будет встречать меня уже в аэропорту Эдинбурга.
- А обратно когда?
- Пока не знаю. Очевидно, как закончу дело.
- Тогда доставай вино, выпьем за успех предстоящего мероприятия.

Макс был рад, что друг задержался. Последний год у них редко выпадало время вот так, расслабленно, общаться. И таких встреч «без повода» им обоим не хватало. Поэтому те редкие моменты, когда они оставались вдвоем и, главное, никуда не торопились, они ценили и использовали по полной.

Андрей работал не только у Макса. Его часто приглашали в полицию, таможенные органы и музеи для консультаций по вопросам искусства, он читал лекции в двух вузах. А полгода назад Шустров стал отцом. Макс был доволен, что его друг, по выражению Анны Станиславовны, мамы Андрея, остепенился. Не только потому, что вместо бесконечных «пассий», которых он менял с завидным постоянством, появилась одна единственная – очаровательная Эльза, но и потому, что с ней Андрея познакомили именно Макс и Аня. Причем знакомство произошло совершенно случайно. Хотя случайностей не бывает (так говорит бабушка Макса) – все в мире закономерно.

Это произошло два года назад, когда они возвращались из Мексики. Эльза летела тем же рейсом. На Мексиканском побережье Омскому пришлось расследовать странную историю, в которую затянули девушку помимо ее воли. Андрей встречал их в аэропорту, увидел Эльзу и влюбился: наконец-то нашлась та, единственная, которую он долго искал. Да, у мексиканского детектива был счастливый конец. Увы, не для всех... Макс часто вспоминает те события.

Простились они почти в полночь. А на шесть утра заказано такси в аэропорт. Пока он работал в офисе, Аня сложила багаж: теплую куртку, пару свитеров, дождевик, непромокаемую обувь.

- Зачем столько теплых вещей? – удивился Макс. – Октябрь на дворе, еще не очень холодно.
- Если Бен-Невиса не видно – значит, идет дождь, – ответила жена, смеясь. – Если Бен-Невис виден – значит, дождь только собирается.
- Э-э... – только и смог произнести Макс.
- Шотландская пословица. – Аня вовсю рассмеялась.
- Если бы я еще знал, что такое Бен-Невис...
- Это гора в Шотландии, которая практически весь год затянута облаками. Я к тому, что дождь и ветер в тех местах совсем не редкость. Ты еще мне спасибо скажешь.

Вещи сложены, такси заказано. Завтра, вернее, уже сегодня его ждет неведомая и загадочная Шотландия и не менее загадочное дело, которое предстоит расследовать.

Глава II. Виски или скотч?

Первое, что подумал Макс, выйдя из эдинбургского аэропорта и направляясь вместе с Арчибальдом к стоянке машин, это то, что его жена была права: Эдинбург встретил Максима Омского неласково. Дождь и ветер.

– У вас всегда такая погода?

– Часто, – улыбнулся Арчи. – Завтра дождя не будет. Так говорят синоптики. Но я бы им не особенно доверял...

Арчибальд Кэмпбелл ждал Омского, как и было договорено, в зале прилетов аэропорта Эдинбурга. В руке у него была эдакая деревянная держалка с прикрепленной картонной табличкой, очевидно, с именем Макса. Самое смешное, что табличка была развернута в другую сторону, имя свое Макс не видел. Но он безошибочно узнал Арчи, несмотря на то что никогда его не видел. Он направился именно к этому человеку, хотя тот, естественно, был не единственным встречающим: в зале, за ограждением, стояли несколько мужчин с табличками.

Макс и сам не понял, почему подошел именно к нему. Магия, не иначе! Седовласый шотландец, лет пятидесяти пяти, среднего роста, подтянутый смотрел в сторону смешно разодетой и разукрашенной пары, вышедшей из таможенной зоны чуть раньше Макса; взгляд его был рассредоточен, невнимателен. Казалось, он о чем-то раздумывал.

– Добрый день, Арчи.

Рукопожатие. Улыбка.

– Сэр, у вас табличка перевернута, – подмигнул Макс, показывая на картонку.

– Да? А как же вы меня узнали? – он смутился, но тут же рассмеялся: – Ну да, знаменитая интуиция Омского!

– Знаменитая?

– Мне Мишель о вас много рассказывал. И о том, что в расследованиях вы часто руководствуетесь именно этим чувством.

– С логикой я тоже дружу. Смею вас заверить, логические выводы мне не чужды.

Они сразу понравились друг другу. Во всяком случае, Макс почувствовал симпатию к шотландцу. Да, интуиция никогда его не подводила. А первое впечатление о человеке он считал самым верным.

Разговорились уже в машине, когда выехали за пределы аэропорта и направились по окружной дороге в Хилхаузи Касл.

– Ехать недалеко, шестнадцать миль, – начал Арчибальд.

– А в километрах? Я сразу и не соображу.

– Простите. В миле чуть больше тысячи шестисот метров.

– Понятно. Непривычно это ваше левостороннее движение.

– Да, согласен. Когда я в Европу приезжаю, с трудом перестраиваюсь. Макс, вы голодны?

– Нет. В самолете отлично кормили, даже виски предлагали. Я, так сказать, уже в полете начал приобщаться к национальному шотландскому напитку, – рассмеялся Макс.

– О, раз заговорили о виски. Вы какой предпочитаете? Односолодовый? Зерновой? У вас есть любимая марка?

– Арчи, боюсь показаться невеждой, но я ничего не понимаю в виски. Совершенный профан! Единственное, что мне известно, это то, что вы, шотландцы, называете виски скотчем. То есть «скотч виски». Но, боюсь, что отличить односолодовый скотч от зернового я не смогу, – Макс продолжал шутить.

– Что ж, придется вам преподнести несколько уроков... мм... вместе с дегустацией. Поверьте, в этом напитке есть нечто загадочное. А дней через пять вы сможете отличить «сингл мальт» от «сингл грэин», и «блендид мальт» от «блендид грэин». Когда разберетесь во вку-

сах, попробуете и «блендид скотч»³. Это самый массовый и доступный скотч. Но его надо обязательно попробовать, чтобы почувствовать разницу между обычным и изысканным вкусом напитка.

Арчи говорил со знанием дела. Английские названия звучали восхитительно.

«Как бы не спиться, – подумал Макс, – сколько в скотче градусов? Наверное, больше сорока».

И, как будто читая мысли русского гостя, Арчибальд добавил:

– Не волнуйтесь, будете знакомиться с виски маленькими порциями, не больше унции.

У нас говорят: «смол шот».

– Унция – это, кажется, тридцать миллилитров.

– Совершенно верно. Извините, Максим, я забываю, что у вас другие единицы измерения.

– А у вас есть любимые сорта скотча?

– Есть несколько. Я предпочитаю односолодовый. Двадцатипятилетний «Гленливет» очень хорош. И, пожалуй, мой любимый «Лагавулин». С торфяным вкусом. Мой отец тоже любил этот скотч... М-да...

Возникла неловкая пауза.

– Арчи, когда вы познакомите меня со всеми обстоятельствами дела? Я ведь приехал на работу. Понимаю, что вы гостеприимный хозяин и заботитесь о моем комфорте. Но...

– Если вам будет некомфортно у нас в доме, работать будет сложно. Я покажу вам поместье. После обеда пообщаемся по делу. Я приготовил полицейские протоколы, кое-что перевел – вам может понадобится. Сегодня мы вместе пообедаем, потом поговорим. Однако ужинать вы будете в одиночестве, я обещал жене вернуться вечером домой. Мы с женой живем не так далеко от поместья – в главном городе нашего округа Далките. Со мной вы всегда сможете связаться по телефону или подъехать в офис. Я постараюсь вернуться в Хилхаузи в четверг вечером, а в пятницу соберется все наше семейство. Думаю, вам надо будет познакомиться с каждым. Но об этом чуть позже. В вашем распоряжении две машины.

– Боюсь, что я не рискну сесть за руль.

– Тогда Джон – дворецкий – отвезет вас куда пожелаете.

– О, дворецкий... Английская литература, фильмы... Бэрримор, что у нас на завтрак? Снова овсянка? – Макс вспомнил сцену из знаменитого сериала.

– Овсянка, сэр! – ответил Арчибальд, смеясь: подыграл Макс. – Между прочим, дворецкого Баскервиль Холла тоже звали Джон.

– А я не помню таких подробностей, надо же... Хотя перечитывал не раз. И фильм не раз смотрел.

– Это замечательный сериал. Ливанов великолепен в главной роли. И Соломин.

– Не ожидал, что в Шотландии кто-то смотрит наши фильмы.

– Мы же не только шотландцы. Мы еще и немного русские. Хорошие фильмы, особенно по мотивам английских писателей, я видел. У *нашего* Джона фамилия... кстати, чем-то схожа. – Арчи как-то по-детски рассмеялся. – Робертсон. Джон Робертсон. Но не переживайте насчет овсянки. Это, скорее, в Англии и в Уэльсе такой скромный завтрак. У шотландцев все по-другому.

– Я слышал, в Шотландии даже правовая система другая.

– Да, верно. У нас своя система самостоятельного правопорядка. Отличная от остальной Великобритании. Если уж право отличается, то что говорить о завтраках?! – Арчи веселился. –

---

^{3 1} Single Malt – односолодовый скотч, Single Grain – чисто зерновой скотч, Blended Malt – смешанный солодовый скотч, Blended Grain – смешанный зерновой скотч; Blended Scotch – смешанный купажируемый скотч (соответственно, все эти характеристики относятся и к виски).

Но, если вы любите овсянку, могу порекомендовать на завтрак крапахан. В Шотландии есть такой замечательный вкусный десерт: поджаренные овсяные хлопья соединяются со сливками, медом, ягодами и скотчем.

– Скотч... э-э... с утра?

Арчи ответил с напускной серьезностью:

– Когда хотите. Можно и с утра. Но вы постепенно разберетесь. В доме есть экономка. Она прекрасно готовит. После смерти отца я никого не уволил из работников. Так что завтраки, обеды и ужины вам обеспечены.

– Даже не знаю, что сказать.

– Ничего и не говорите, пока не освоитесь. А сегодня на обед, конечно, хаггис.

– Об этом блюде я знаю. Жена просветила.

Окружная автострада давно закончилась, они ехали по живописной деревенской дороге вдоль реки. Дождь все еще моросил, но ветер как будто утих, и выглянуло солнышко. Местность холмистая. Впереди, на холме, нарисовался... то ли особняк, то ли замок. Они обогнули его справа (обычный шлагбаум, отделяющий дорогу от въезда на территорию дома, был открыт), проехали еще метров двести, пересекли по мосту неглубокий ров и въехали на территорию замка.

– В средние века на этом месте был подъемный мост, который охранял замок от недругов, – пояснил Арчибалд. – Сейчас балки и часть механизма подъемного моста служат лишь украшением. Вообще-то замку больше семисот лет. Почти все стены и левая башня из красного камня, привезенного с другого берега реки Эск, были построены в тринадцатом веке. Внутри, к сожалению, с тех веков мало что сохранилось, лишь винтовая лестница, ведущая в погреб, да пару подвальных хранилищ. Кэмпбеллам Хилхаузи принадлежит с тысяча восемьсот шестидесятого года. Если вам интересно, вы можете прочесть книгу по истории замка. Она есть в домашней библиотеке. По преданию, в течение нескольких месяцев здесь жил король Генрих Четвертый и однажды, в тысяча пятьсот шестьдесят третьем году, останавливалась Мария Стюарт, королева Шотландии.

«Значит, это тот самый... э-э... касл⁴? Ничего себе! В таком замке я еще ни разу не останавливался. Старинный шотландский замок, вау! Надеюсь, без привидений?!»

– Мы приехали, Максим. Добро пожаловать в наш семейный Хилхаузи Касл. М-м-м... думаю, призраки вас не побеспокоят, – Арчи хитро подмигнул и рассмеялся.

«Он что, мысли читает?» – Макс криво улыбнулся в ответ на шутку шотландца.

– Я пошутил. Вы, наверное, знаете, как заманивают туристов в Шотландию?

– Нет. А как?

Арчи удивился:

– Призраками! Понимаете, замки содержат очень дорого, поэтому многие хозяева перестраивают их под отели и соблазняют туристов призраками. Приезжайте, господа! В нашем замке есть все, что вы пожелаете! Шотландское гостеприимство и привидение гарантировано!

– И как потом они объясняют отсутствие этих самых призраков?

– Ну, во-первых, призраки в самом деле обитают в шотландских поместьях. И где же им еще селиться, как не в старинных замках? Иногда их удастся увидеть или услышать. М-да... Во-вторых, если гость с ними не встретится, это никак не означает, что призраков в замке нет, просто данному гостю не повезло. Что ж тут объяснять?

Макс поначалу не понял, шутил Арчи или говорил серьезно. Он шел следом за шотландцем, вез чемодан по дорожке из разноцветного камня (Арчи попытался сам донести его, но Макс жестом отказал: еще чего!) и не все расслышал. Какие призраки? Значит, он – Макс – тоже будет жить в замке с призраками?

---

⁴ 1 Castle – замок (англ.).

Но возле парадных дверей Арчи развернулся к нему. В зелено-карих глазах отразилось такое лукавство, что Макс понял: шутит. Конечно же шутит!

Двери отворились, навстречу вышел подтянутый мужчина лет шестидесяти в кителе дворецкого. Он был лыс и имел череп прекрасной формы; лицо украшала голливудская борода, за деланной небрежностью которой виделся ежедневный труд.

«А вот и он, Джон Робертсон, дворецкий. Очень интересный персонаж!» – Макс явно забавлялся происходящим.

Дальнейший разговор, естественно, велся по-английски.

– Джон, это мой гость из Москвы. Мистер Омский.

– Максим, – представился гость. Интуитивно он хотел подать руку для рукопожатия, но не решился: бог его знает, какие у них тут порядки. Вместо рукопожатия он лишь искренне улыбнулся Джону. Тот в ответ чуть склонил голову.

– Пожалуйста, отведите гостя в его комнату. И вообще, я *вам* поручаю заботу о нем. Максим должен чувствовать себя как дома.

«Ага... Уже чувствую... Как дома, ей-богу! Очень неплохая квартирка, прямо как у меня в Москве».

Они прошли сначала в большой холл, из холла двинулись в одну из дверей и оказались в узком коридоре, потом свернули налево и прошли через маленькую комнату. Дошли до лестницы, но не поднялись, как решил было Макс, а спустились. Интересно, куда они направляются? В подвал? Спустившись в следующий просторный холл (чуть меньше первого и более прямоугольный), они снова прошли по коридору и остановились у двух дверей.

Джон открыл одну дверь и провел Макса в комнату.

– Это ваша комната, мистер.

– Спасибо, Джон. И давайте договоримся: не называйте меня мистером. Просто Максим. Или Макс. Так короче. Да и не принято у нас, русских, такое обращение.

– Хорошо, мистер... Э-э... Макс. Как вам будет угодно.

Омский осмотрелся. В комнате метров двадцать. Просторно. Большая двуспальная кровать, шкаф, два кресла и маленький журнальный столик, вполне комфортный стол для работы с бумагами, две прикроватные тумбочки; на стене литография в стильной, под цвет штор, рамке: мужской портрет на фоне пейзажа и в обрамлении поэтических строк. В углу комнаты дверь. Макс приблизился к портрету.

– Роберт Бёрнс, великий шотландский поэт, – тут же прокомментировал Джон. – А здесь ванная комната и туалет. – Он приоткрыл дверь. Затем подошел к зашторенному окну. – А это выход на террасу. Кстати, вы можете прямо отсюда выходить на улицу и гулять по саду, если захотите. Совсем не обязательно подниматься в общий холл.

Джон распахнул шторы (оказалось, что это не простое окно, а французское, до пола, которое можно использовать как дверь), и взору Макса открылась потрясающая картина: зеленый газон (да, именно зеленый – в промозглом октябре!) с узкими дорожками из цветного камня, ведущими от замка куда-то вверх, небольшие узорные клумбы отцветающих, но все еще ярких цветов, аверху, на холме, очевидно, и находился тот самый сад, о котором говорил Джон. Скорее, это парк в английском стиле, в котором воссоздается естественный ландшафт. Справа, чуть поодаль, виднелись две небольшие постройки (жилые домики? летние помещения?). Слева должен протекать ручей, видимо, тот самый, мимо которого они с Арчибальдом проезжали. Отсюда, из комнаты, ручей виден не был, но Макс обратил внимание на спасательный красный круг, привязанный к металлическому столбику. И зачем он там? Неужели кто-то может утонуть в ручье?

Вид был великолепный! Наслаждение для глаз!

Получалось, что центральный вход в замок размещался вверху, на холме. А его комната находилась внизу. И никакой тайны.

– Здесь, – продолжал Джон, открывая дверцу просторного шкафа, – есть все необходимое. Теплые вещи, обувь. Все новое.

«Ага, резиновые сапоги! Вот зачем Арчи узнавал мой размер обуви».

– В ванной комнате туалетные принадлежности. Если вам что-то понадобится, обращайтесь ко мне.

– Большое спасибо, Джон. Очень любезно с вашей стороны.

– Осваивайтесь. Когда будете готовы, поднимайтесь наверх. Обед подадут через полчаса. Вам хватит времени?

– Вполне.

– Да, на полочке телефонный аппарат. Номер пять – это я. Под номером семь значится миссис Стюарт. Она занимается домашним хозяйством и готовит еду. Вы познакомитесь с ней за обедом. Здесь же коды вай-фая.

– Понял. Спасибо.

– Я вам еще нужен?

– Нет, благодарю вас.

Макс осмотрелся. Умылся. Переоделся. Написал сообщения Ане и Андрею: «Я в замке, осваиваюсь». Пора на обед.

Выйдя из комнаты, он растерялся. И как отсюда выбраться? Пару раз Макс, кажется, сворачивал не туда. Но, наконец, выбрался из «лабиринта»; сам не понял, как очутился в центральном холле. Зайдя в холл, он обнаружил, что пришел сюда с другой стороны. Но каким образом? Ладно, все равно придется тщательно обследовать дом. То есть замок.

Арчи сидел на диване и читал газету.

– Я заблудился, Арчи. – Макс засмеялся. – Не понял, как я вышел в холл с этой стороны.

– А, видимо, от лестницы вы пошли не вправо, а влево.

– Ну и ну... Настоящий лабиринт.

– У вас будет время изучить все подробно. А сейчас идемте обедать. Запоминайте. – Он кивнул и показал наверх. – Столовая наверху. Значит, сейчас мы должны подняться. Не спуститься, Макс, а подняться. Внизу тоже есть столовая. Я, кстати, люблю там ужинать. У нас там рыцари... И когда ночные фонари святы в окна, рыцари словно оживают. Попросим миссис Стюарт, чтобы она накрыла вам ужин внизу. Итак, следуйте за мной.

Макс послушно последовал. Они проделали путь до лестницы и поднялись наверх. Затем прошли по балкону над центральным холлом и оказались в большой гостиной, одна стена которой была полностью закрыта стеллажами с книгами, на другой висели три картины в старинных золоченых рамах (у Макса еще будет время рассмотреть их); стену напротив занимало большое зеркало: в нем отражались и картины, и красивая люстра, поэтому пространство визуально увеличивалось, гостиная казалась просто огромной. Под зеркалом уютно расположились два старинных кресла, кушетка и невысокий журнальный столик, на котором лежал открытый фотоальбом. Большой и объемный, альбом в открытом виде занимал почти всю площадь столика. В углу гостиной была еще одна дверь, а у окна – большой обеденный стол, уже сервированный, и два стула. Очевидно, для хозяина и гостя. Макс чуть было не свернул прямо к столу, но Арчибальд продолжал идти в направлении двери. Он обогнул кресла, открыл дверь и пропустил гостя вперед.

Они оказались в уютной большой комнате с камином, в котором теплились дрова. Две стены также почти до потолка были закрыты стеллажами с книгами. Отдельно стоял мягкий диван и три кресла вокруг большого овального стола, на котором уже были расставлены разносы с крошечными таралетками из различных яств.

– Присаживайтесь. Самое время для аперитива.

– Арчи, это, конечно, круто, но слишком уж торжественно. Я же не барон какой-нибудь. Я себя неловко чувствую.

Арчибальд хмыкнул и крикнул:

– Миссис Стюарт...

Тут же появилась приятная женщина лет сорока.

– Я же вам говорил, не надо сервировать так помпезно. Вот и наш гость решил, что все чересчур торжественно. Это мистер Омский из Москвы. Он останется в доме на несколько дней. Так что позаботьтесь о нем.

– Не переживайте, Арчибальд, – улыбнулась она им обоим. – Хилхаузи – гостеприимный дом, мистер Омский, – сказала она Макс.

– Можете называть меня просто Максим.

Она, все так же улыбаясь, слегка кивнула головой.

– Добро пожаловать в Хилхаузи Касл, мистер Максим.

– И без «мистера». Просто Максим, – уточнил он.

– Хорошо. Да, мистер Арчибальд говорил мне, чтобы я не слишком увлекалась сервировкой, – она покачала головой. – Но мне это не в тягость, а, наоборот, приятно. С тех пор как умер сэр Кемпбелл, я... у нас... – она чуть не заплакала. – Мне захотелось сделать что-то приятное для вас и вашего гостя, – обратилась она к Арчи.

– Вот видите, Максим, это инициатива миссис Стюарт. Что у нас на обед, Юна?

– Хаггис. А на десерт, как вы просили, крахан. Но есть еще ягодный пирог, если захотите.

– Отлично.

– Сообщите, когда подавать.

– Хорошо, Юна, я вас позову. – Он жестом отпустил домработницу.

– Какое интересное имя – Юна. И фамилия у вашей экономки очень знатная. Здесь кроется какая-то тайна?

Арчибальд рассмеялся:

– Фамилию Стюарт носит пол-Шотландии. А имя Юна означает «ягненок». В древности у кельтов имена образовывались от названий животных, птиц, явлений природы. Это были, скорее, прозвища. Юна – традиционное старинное кельтское имя с гэльскими корнями. И никакой тайны. А теперь... – он встал с кресла и пригласил Макса последовать за ним: – Идемте выбирать виски.

Они подошли к книжному шкафу. Да-да, к книжному шкафу! За стеклом стояли книги. Много книг.

– Открывайте.

– Что, простите?

– Будем выбирать шотландский скотч.

– Среди книг?

– Макс, взгляните на... гм... корешки.

– Вау! Да это все коробки с виски! – Макс захохотал.

От пола до потолка стены были закрыты книжными стеллажами из красного дерева. А внутри... Вместо книг, спрятанных за стеклянными дверцами с резными ручками, стояли вовсе не книги, а... коробки с виски. Потрясающе!

– Ничего себе. Это все виски?

– Не совсем. – Арчи, наблюдая за реакцией Макса и его ошарашенным лицом, тоже рассмеялся. – Это шотландский скотч. Или «скотч виски», — произнес он по-английски. И прозвучало это как-то по-особенному.

– Вы хотите сказать, что здесь разные... марки? Все эти бутылки отличаются? То есть не бутылки... – он запутался.

– Есть кое-что повторяющееся. Но в основном, да, это все разные сорта скотча. Знаете, если во Франции сыров столько, сколько дней в году (так говорят французы), то в Шотландии

сортов виски гораздо больше, чем дней в году. Говорят, их около двух тысяч. Я так понял, что вам будет сложно выбрать. Позвольте, я вам посоветую.

Он подошел к барной стойке, на что-то нажал, отворилась «потайная дверца», и перед глазами предстала пещера Али Бабы. Только сверкали не сокровища, а стоящие каскадом бутылки виски: фигурные сосуды (Макс посчитал, что такое слово больше подходит стеклянному великолепию), красивые этикетки, буйство янтарного цвета. Причем в зеркальном отражении все это богатство удваивалось. Зрелище поистине необыкновенное.

– Мм... Пожалуй, это и это... – Арчи выбрал две бутылки и направился к маленькому столику.

– Располагайтесь. Буду вам объяснять, что это такое – настоящий шотландский скотч...

***

Обедали в соседней гостиной, там же был подан десерт. Макс поинтересовался альбомом в старинном переплете, который лежал на журнальном столике. «Альбом в вашем распоряжении, в нем собрана история нашей семьи», – ответил Арчибальд.

«На кофе» снова вернулись в комнату с камином. Миссис Стюарт разлила по тонким фарфоровым чашкам горячий напиток, накрыла кофейник тканевым стеганым колпаком, потом тихо прикрыла за собой дверь: деликатно удалилась.

Было около пяти вечера. В камине мерцали поленья; зажглись уличные фонари, отблеск от которых проникал сквозь большое французское окно и преломлялся на стеклянных узорных дверцах «книжных» шкафов в причудливые радужные блики.

Крепкий, вкусно пахнущий кофе, мягкие удобные кресла – все располагало к долгой беседе.

Какое-то время они молчали. Пили кофе, наслаждаясь тонким кофейным ароматом и тихим потрескиванием дров в камине.

Арчибальд встал, подошел к старой радиоле, стоящей у окна. Макс обратил на нее внимание еще во время аперитива, когда пытался понять разницу между «сингл мальт» и «блендид мальт» (о, он обязательно расскажет о своих алкогольных впечатлениях Андрею!), но решил, что это радиоустройство в деревянной упаковке на тонких ножках — лишь декоративное ретроукрашение пространства. Ан нет! Очевидно, радиолы вполне себе рабочая. Арчи включил электропроигрыватель, поместил на стержень грампластинку, нажал на пуск и поставил на звуковую дорожку иглу. (Когда же Омский последний раз слушал винил? Лет двадцать назад, наверное...) Пластинка привычно зашуршала, зазвучали две гитары, а потом полился божественный голос:

– В лунном сиянье лес серебрится. Вдоль по дороге троечка мчится. Динь, динь, динь. Динь, динь, динь. Колокольчик звенит...

Высокий, чистый голос проникал внутрь, до мурашек, уводил за собой, переворачивал что-то внутри. Макс прикрыл глаза. Ярко, как в кино, замелькали зимние пейзажи, тройка, лес... Бубенчики-колокольчики. Потом чья-то свадьба. Бокалы... И все вихрем, вихрем. Кружит, искрится снег... звенит хрустальный голос...

– Что это? – хрипло спросил он. – Какое очарование! Я заслушался.

– Это голос моей матери. Урожденной Марии Урусовой. Отец записал пластинку сорок лет назад. Но, знаете, и в восемьдесят ее голос звучал так же звонко. А когда мама умерла, отец приходил сюда, ставил винил и представлял, что она жива...

Макс ничего не сказал: наступило время слушать, а не говорить.

– В тот день, когда нашли его тело, проигрыватель был включен. Пластинка остановилась, когда закончилась последняя спираль звуковой дорожки – сработал автостоп. Но проиг-

рыватель был включен, – Арчи повторил эту фразу медленно, как будто удивляясь подобному факту.

– Кто обнаружил э-э... тело?

– Миссис Стюарт. Она сразу позвонила мне и доктору. Я был в конторе, тут же вызвал полицию, а сам отправился в Хилхаузи. Собственно, я приехал минут через пятнадцать, вслед за полицией. Потом прибыли эксперты и доктор. Криминалисты предположили, что смерть наступила два-два с половиной часа назад. Потом экспертиза установила точное время: одиннадцать часов десять минут. – Арчи почему-то сказал последнюю фразу по-английски.

– То есть до момента обнаружения тела он был мертв уже часа два, не так ли?

– Да. Обычно после завтрака отец отдыхал: либо здесь (он любил сидеть в этом кресле, слушать музыку, наслаждаться бокалом виски), либо в спальне, либо прогуливался по парку. Логично, что никто его не тревожил. Миссис Стюарт удивилась, что он не спустился в нижнюю столовую к ланчу. Как правило если не было других распоряжений, она подавала ланч к часу дня. Она подождала какое-то время. Отец не пришел, и она пошла его искать. Сначала спросила у Джона, не выходил ли он в парк. Затем пришла сюда.

– Как давно миссис Стюарт работает в доме?

– Лет семь, не меньше. Ее нанимала мама.

– Миссис... Значит, она замужем? А где работает ее муж?

– Хм... Полиция тоже интересовалась этим вопросом.

– Правильно. Сначала проверяют ближайшее окружение.

– Она вдова. Муж служил в армии по контракту, участвовал в иракской кампании. Был тяжело ранен, насколько я знаю. После ранения прожил недолго, год, не больше. В Хилхаузи Юна устроилась работать, уже будучи вдовой. Это точно.

– Скажите, Арчи, положена ли пенсия или рента вдове военнослужащего? Государство как-то компенсирует потерю кормильца?

– Для подобных случаев существует система страхования. Вдове положено ежемесячное страховое пособие.

– Значит, миссис Стюарт также получает пособие?

– Думаю, да.

– И какая сумма предусмотрена в таких случаях, вы не знаете?

– Нет. Расчет суммы зависит от многих факторов. А почему вы этим интересуетесь?

– Просто мне любопытно, почему женщина нанялась работать э-э... экономкой, имея ежемесячную государственную ренту? Этих средств ей не хватает? Почему? Либо это очень маленькая сумма, на которую прожить невозможно, либо миссис Стюарт слишком много тратит. Возникает вопрос: на что она тратит? Поэтому я и спрашиваю, какая пенсия положена в таких случаях в Великобритании? Вы могли бы этот вопрос прояснить? Именно в отношении миссис Стюарт?

– Мм... Можно спросить у нее.

– Это вызовет ненужное волнение с ее стороны. А мне необходимо подружиться с вашей экономкой, чтобы доверительно с ней общаться. Обычно слуги знают больше, чем предполагают хозяева. Не хотелось бы настраивать женщину против себя подобными вопросами.

– Да, вы правы.

Он встал, подошел к шкафу, достал блокнот, ручку.

– Запишу, чтобы не забыть. Постараюсь узнать. Что еще мне нужно уточнить? – он кивнул на блокнот.

– Арчи, мне важны любые детали. Все мелочи, которые кажутся вам незначительными, могут на самом деле стать ключевыми в расследовании. Пожалуйста, опишите подробно момент, когда обнаружили тело. Что вы отметили? Лично вы. Я уже понял, что это произошло именно здесь.

– Да, здесь. – Арчибальд молчал, собираясь с мыслями. – Я хотел начать рассказ именно с этой песни. Хотел, чтобы вы услышали голос матери. И представили, как... – он подбирал слова: – как папа сидел в этом кресле, где сейчас сижу я, слушал. А потом... умер, повалившись на бок. У меня перед глазами эта картина... Догорают угли в камине. Отец полулежит в кресле. Правая рука свисает с подлокотника. В ней он держал бокал с виски. То есть держал до того, как умер. Бокал лежал на полу. Вон там... – он рукой показал в сторону камина. – Видимо, бокал выпал из его рук и покатился. Он не разбился, но виски расплескался. На паркете остались пятна...

Арчи говорил медленно; взгляд – невидящий, обращенный внутрь – рассеянно скользил по предметам. Макс представил эту сцену: откинувшееся в кресле тело пожилого человека, старческая рука, покотившийся бокал, расплескавшийся виски.

– Остыл... – Арчибальд отставил чашку остывшего кофе и продолжил: – Основная причина смерти, как сказано в заключении патологоанатома, высокая концентрация дигитоксина в крови.

– Мм... Дигитоксин... Ваш отец принимал кардиологические препараты?

– Да, у него была хроническая сердечная недостаточность. Но он прекрасно справлялся с этой болезнью. Он принимал сердечный гликозид в малых дозах как поддерживающую терапию. Все время наблюдался у доктора.

– Значит, токсикологическая экспертиза выявила наличие большой дозы лекарственного препарата в крови, так?

– Да.

– Других ядовитых веществ обнаружено не было?

– Нет.

– Оч-чень интересно... – Макс задумчиво потер подбородок. – Ваш отец наблюдался у конкретного доктора?

Арчи кивнул.

– И как долго?

– Около пяти лет. Раньше у всей семьи был другой врач, но он ушел на пенсию и переехал жить во Францию. Но и нынешний – доктор Муррей – имеет прекрасную репутацию у пациентов, – поспешил добавить Арчибальд, как будто испугавшись, что Макс усомнится в профессионализме доктора.

– Этот сердечный препарат покупается по рецепту?

– Конечно. Иначе невозможно.

– Я правильно вас понял, Арчи, что причиной смерти явилась остановка сердца от передозировки сердечного препарата дигитоксина?

– Да.

– А какая была назначена разовая доза? И во сколько раз эта доза была превышена?

– Индивидуальную дозу назначил Муррей. Он считал, что ста двадцати пяти микрограмм достаточно. Отец принимал лекарство два раза в день, то есть двести пятьдесят микрограмм в сутки. Экспертиза установила, что доза дигитоксина была превышена в восемь раз.

– Разовая или суточная?

– Мм... суточная.

– Я мало что понимаю в медицинских препаратах, – Макс смущенно посмотрел на Арчибальда, – но у меня есть приятель кардиохирург. Думаю, он просветит меня в этом вопросе. Скажите, Арчи, а как давно ваш отец принимал именно это лекарство?

– Не могу вам ответить. О том, что он длительное время принимал сердечные препараты, я знаю. Но... – Арчибальд пожал плечами, – он сам следил за своим здоровьем. Такие тонкости мне неизвестны.

– Вы могли бы попросить у доктора историю болезни отца? Меня интересуют все назначения, скажем, за последний год?

– Наверное, это возможно. Вы считаете, это важно? – удивился Арчи.

– Пока не знаю.

– Что еще?

– Давайте обсудим две версии: самоубийство и несчастный случай. Я буду задавать вам вопросы, вы должны честно отвечать. Готовы?

– Хорошо.

– Я понимаю полицейских, которые пришли к подобному выводу. С их точки зрения ситуация выглядела так: сэр Кэмпбелл, будучи в солидном возрасте... ему было восемьдесят шесть?.. – уточнил Макс. Арчи кивнул. – Он устал от одиночества, голос жены на пластинке манил его. И однажды он просто решил уйти к своей любимой. Старики становятся сентиментальными, знаете ли. Он взял... если посчитать, получается, он взял восемь таблеток и выпил за раз. Так?

– Если следовать их логике, то да, именно так.

– Но вы с этим не согласны?

– Я накануне говорил с отцом по телефону. Он был бодр, шутил. Более того, мы собирались провести вместе субботний вечер. И он был очень доволен. Просил меня связаться с миссис Стюарт и подобрать меню на ужин.

– Мы – это кто?

– Моя жена, я, сын со своей женой и дочь. Дочь Эмили планировала приехать на уик-энд из Лондона и хотела видеть деда. Отец обрадовался, что придут внуки.

– Это единственный ваш аргумент?

– Вы считаете, этого недостаточно?

– *Этого* недостаточно.

– Но я хорошо знаю... знал... своего отца. Поверьте...

– Арчи, подождите. Мы не закончили. Мне нужны только факты. Пока не сложится картина...

– Да-да, понимаю. Задавайте ваши вопросы.

– Какие еще доводы в пользу этой версии приводила полиция?

– Да, собственно, больше никаких.

– Странно.

– И мне странно.

– Арчи, вспомните тот день. Полиция зашла в дом, эксперты констатировали смерть. У них, что, не возникло вопросов, отчего умер ваш отец?

– Поначалу все думали, что это естественная смерть. Просто папа умер... возраст, знаете ли. Но я настоял на судмедэкспертизе.

– Вы настояли? А разве это не является обязательной практикой?

– Нет, не является.

– Значит, вы настояли на вскрытии. И как вы объяснили свою настойчивость?

– Так и сказал, что я хочу знать точную причину смерти.

– А как отреагировали полицейские?

– Это мое законное право. Но все же они удивились: мало кто в такой ситуации будет настаивать на вскрытии. Все посмертные экспертизы оплачиваются родственниками усопшего. Патологоанатом стоит дорого. А естественная смерть казалась всем очевидной. Доктор, осмотрев тело, также сказал, что не видит никаких насильственных признаков.

– Вы уже тогда что-то заподозрили?

– Не могу однозначно ответить. Возможно, просто расстроился. Возможно, не хотел верить в то, что папы больше нет. Но как только я увидел его здесь... еще этот бокал... у меня возникли сомнения. Я ведь юрист.

– Хорошо. Допустим, поначалу они не видели оснований для возбуждения дела. Но после заключения судмедэксперта? Следственные органы должны были допустить наряду с версией о самоубийстве и версию о насильственной смерти, разве не так?

Арчи пожал плечами.

– Но они хотя бы... э-э... провели экспертизу виски, которое пил ваш отец? Первое, что приходит в голову после получения подобных результатов вскрытия, что человек мог быть отравлен. Откуда взялась в его крови столь большая доза дигитоксина? Это же очевидные вопросы. – Макс был удивлен.

Но Арчи только покачал головой:

– Я сам отдал бокал и три бутылки виски (я не знал, какой именно виски пил отец, поэтому и забрал все открытые бутылки) на анализ на следующий день. Но, кроме виски, ничего другого в них не нашли.

– Вы действовали правильно. Но полиция...

– Полиция считает, что нет никаких доказательств того, что смерть моего отца носила насильственный характер. Следовательно, оснований для возбуждения уголовного дела не имеется. Такой официальный ответ я получил от соответствующих служб. Макс, вы тоже думаете, что нет оснований... и нет доказательств? – тихо спросил Арчи.

– Пока у меня очень мало информации. Однако я допускаю, что это *могло быть убийством*. Что же касается самоубийства... Тоже вполне рабочая версия. Но в таком случае должны существовать более веские аргументы, подтверждающие версию полиции. Либо вы о них не знаете, либо вы что-то скрываете.

– Нет, я ничего не скрываю, Максим, – уверенно ответил Арчи и спросил: – А на основании чего вы допустили вероятность убийства?

– Я изложу свои доводы позже. А вот расследование полиции меня очень удивляет.

– Да какое расследование! Они совсем его не проводили. И еще этот психолог подключился. – Арчибальд недовольно качнул головой.

– Психолог?

– Да. Какой-то неопрятный тип, который стал выкладывать статистику о самоубийствах стариков в Соединенном Королевстве. Я ему возражал, что, в статистических данных, в основном, речь идет о покинутых родными бедных, отчаявшихся людях, страдающих от одиночества. Но мой отец не был похож на несчастного старика. Однако психолог настаивал. И кто их только учит, таких психологов? У него диплом солидного заведения, знаете ли! – Арчибальд был явно раздосадован.

– А доктор, который назначал лечение? Муррей... Вы говорили с ним? Расспрашивала ли его полиция?

– Да. Именно ему и звонила миссис Стюарт. Это он был здесь в день смерти отца. И полиция его расспрашивала, и мы с сестрой с ним общались. Поначалу он тоже решил, что возраст... сердце дало сбой.

– А потом?

– Потом? Мне кажется, результаты судмедэкспертизы его шокировали. Доктор Муррей считает, что самоубийство маловероятно. Он хорошо знал отца. Тот не был похож на несчастного больного старика, желающего покинуть этот мир.

– Значит, доктор склоняется к версии убийства?

– Нет.

– Хм...

– Он думает, что это несчастный случай. Отец мог взять несколько таблеток по забывчивости. Хотя и не понимает, как такое возможно. Но все же это более логично, по его мнению, чем самоубийство. Еще он сказал, что однажды подобный эпизод уже случался с отцом.

– Интересно. Что за эпизод?

– Несколько месяцев назад отец позвонил Муррею и пожаловался на недомогание и тошноту. Он сообщил, что, видимо, выпил лишние таблетки. Скорее всего, он позабыл, пил или нет утренние лекарства, и решил повторить. Может, и не один раз повторил. Доктор тогда пришел и ввел отцу противоядие. Потом проверял кардиограмму. Я об этом не знал. В первый раз услышал от Муррея. Но оснований не доверять ему у меня нет.

– Отец страдал забывчивостью?

– Я такого не наблюдал. Мне кажется, у него память была – дай бог каждому! Конечно, он записывал в ежедневник какие-то вещи. Но я тоже записываю. Это не может служить доказательством.

– Я бы хотел видеть этот ежедневник. Он здесь, в доме?

– Да. В его комнате. Там все осталось так, как будто папа просто вышел на минутку. Бумаги, вещи...

– А разве полиция не интересовалась его бумагами?

– Они осматривали комнату, но очень бегло. Мне кажется, они сразу отбросили версию убийства и не захотели тратить время на ненужное, по их мнению, расследование, – добавил Арчибальд с сарказмом.

– Я не понял, Арчи. Вы сказали, что в комнате осталось все, как при жизни отца. Но в течение трех недель кто угодно мог заходить туда.

– После осмотра дома полицейскими я закрыл комнату на ключ. На следующий день, когда нам сообщили заключение судмедэкспертов, мы заходили туда вместе с сестрой. Она лишь заглянула внутрь, расплакалась и вышла. Я же остался ненадолго, пересматривал бумаги. Почему-то именно в тот момент я решил, что должен нанять детектива для проведения тщательного расследования. Я понимал, что полиция была слишком небрежна в своих выводах. Поэтому оставил в комнате все, как было при папе.

– Это очень хорошо, – задумчиво проговорил Макс. – А кто там убирает?

– Никто не убирает.

– То есть в течение трех недель никто не заходил в отцовскую комнату?

– Только мы с сестрой на второй день после смерти папы. И неделю назад, когда Максвелл вернулся из экспедиции, мы с ним заходили тоже. Оставались минут пятнадцать. Просто сидели на кровати и молчали.

– Арчи, мне нужно побывать там. И не просто побывать. Я бы хотел все осмотреть. Есть какие-то вещи, на которые вы могли не обратить внимание. А для расследования они могут быть важны. Детали... мм... записи в ежедневнике, лекарства.

– Ежедневник и все бумаги находятся в столе. Там же, кстати, я нашел медицинские рецепты от Муррея, дерматолога, еще некоторых специалистов. Лекарства в тумбочке у окна, в ящичке. Я вам все покажу. А завтра вы сможете осмотреть более тщательно. Ключ я вам оставляю. И предупрежу миссис Стюарт и Джона.

– Спасибо за доверие. Давайте вернемся к первоначальной теме. Кто еще, кроме доктора, полагает, что это несчастный случай?

– Практически все.

– Хорошо. Поставлю вопрос по-другому. Кто считает, что это убийство?

– Я.

– Только вы? – Макс не отводил взгляд от Арчибальда.

– Из родственников никто не считает.

– А не из родственников?

– Двое. Оба друзья отца. Сэр Роберт Мак-Лауд. Хотя он тоже немного родственник. Дальний. Троюродный брат отца. Моя бабушка по отцовской линии тоже Мак-Лауд. Так вот дядя Роберт считает, что отца убили.

– И кого же он подозревает?

– Мою сестру... – тихо произнес Арчи.

– А что не так с вашей сестрой?

– Она занялась... это долгая история. Вряд ли ее деятельность имеет отношение к делу.

– Арчи...

– Вам нужны подробности?

– Думаю, да.

– Хорошо. Но мне придется загрузить вас юридической тематикой. Боюсь утомить.

– Я потерплю, – Макс засмеялся. – Ваша сестра тоже юрист?

– В том-то и дело. Да, у нее есть юридическое образование. Но она работает... э-э... Сейчас попробую объяснить, в чем здесь проблема. Вы, наверное, не знаете, но в Великобритании предоставление юридических услуг в области гражданской и уголовной юстиции является серьезной отраслью национальной экономики. В год, по разным подсчетам, объем рынка таких услуг доходит до тридцати миллиардов фунтов.

– Тридцать миллиардов фунтов – это что, оборот рынка только юридических услуг?

Арчи кивнул.

– Ничего себе. Извините, я вас перебил. Но цифра впечатляющая!

– Да, эту сумму компании, различные организации и обычные граждане тратят на оплату участия юристов в подготовке и исполнении различных сделок, наследственных проблем, составлении всякого рода претензий и прочих услуг. – Арчи качнул головой, посмотрел на Макса. – Юриспруденция в нашей стране – это серьезный бизнес. Кроме того, вся система слишком бюрократизирована. Юристы находятся под контролем огромного количества организаций, которые регулируют их деятельность. Таких контролеров не единицы – десятки! Пфф... Министерство Юстиции, специализированное Управление в сфере юридических услуг, антимонопольный комитет, омбудсмен, различные регуляторы на рынках рекламы и финансов, общественные организации и масса других. Поверьте, их много. С одной стороны, результатом усилий всех этих органов является качество и прозрачность юридических услуг (недаром Лондон называют юридической столицей мира и центром «юридического туризма»), но, с другой стороны, чрезвычайная дороговизна предлагаемых услуг (всем этим организациям, как вы понимаете, надо платить!) повышает затраты юристов, которые они вынуждены компенсировать за счет клиентов.

Зачем я это рассказываю? Чтобы вы поняли, чем занимается моя сестра.

Продолжаю. М-да... В высоких британских кабинетах проблему видят и понимают. Какие-то действия по снижению стоимости юридических услуг предпринимаются, но, конечно, этого недостаточно. Доступ к услугам профессиональных юристов для малообеспеченных граждан или мелкого бизнеса весьма затруднителен.

– А какая почасовая ставка, например, у вас в Шотландии?

– Ставка зависит от города и региона. В провинции почасовая ставка юриста в среднем двести пятьдесят фунтов, а в крупных городах или в столице – все пятьсот.

– Недешево!

– Согласен. Поэтому в Великобритании возникли альтернативные предложения предоставления юридических услуг малообеспеченным слоям населения на принципе ценового демпинга. Самым известным примером такой коммерческой предприимчивости в юридической среде являются «Друзья Мак-Кензи». Сам термин не имеет значения для нашего разговора, но для уточнения скажу, что возник он в начале семидесятых в связи с рассмотрением Апелля-

ционным судом Великобритании жалобы на решение нижестоящего суда по бракоразводному делу супругов по фамилии Мак-Кензи.

Так как в Великобритании не существует запрета на самостоятельное решение гражданами и организациями своих юридических проблем, то и обязательства приглашать профессионального юриста для представительства своих интересов в суде тоже нет. Представлять свои интересы может сам гражданин. Также это могут делать родственники, друзья, знакомые тех, кому понадобилась помощь в защите их прав. Предполагается, что делают они это из любезности и совершенно бесплатно. Иногда так и происходит. Однако все понимают, что гораздо чаще приглашенные «друзья» таковыми не являются, а представляют юридические услуги под прикрытием дружбы за деньги.

– То есть параллельный рынок?

– Совершенно верно. Вы все правильно поняли. Возникает параллельный нерегулируемый и неконтролируемый никем совершенно легальный рынок юридических услуг. Запретить его невозможно. Предъявлять каждому конкретному «другу» претензии в незаконном предпринимательстве также невозможно.

Об этом параллельном рынке знают все. Считается, что на него приходится пять-десять процентов из всего объема платных юридических услуг в Великобритании. Не так много, на первый взгляд. Также считается, что услугами подобных «друзей» пользуются небогатые граждане, в основном, в решении бракоразводных и наследственных проблем. Однако должен вам сказать, что «друзья» уже потихоньку захватывают уголовную юстицию и, что весьма серьезно, крупный бизнес.

Свои предложения «бесплатных» юридических услуг размещают некие провайдеры через интернет. Общаются они с клиентами тоже через интернет. Это могут быть студенты-юристы, практиканты юридических фирм, да, собственно, кто угодно. Для этого совсем не обязательно иметь юридическое образование. Главными отличительными особенностями этого рынка являются низкие цены и быстрота решения вопроса. Цены действительно демпинговые, отличаются от цен на официальном рынке юридических услуг в разы! Это объяснимо: «дружеские» юридические консультанты не обременены налогами, арендой офисов, персоналом. На изучение вопроса у них уходит гораздо меньше времени. Там, где юридическая фирма решает вопросы клиентов за несколько недель или месяцев, «друзья» могут предложить решение за несколько дней.

– И что, качество таких услуг высокое? – удивился Макс.

– Вы уловили самую суть, Макс. С скромные цены и высокие темпы работы не гарантируют реального качества. Никто не отвечает перед клиентом своей репутацией за недобросовестную консультацию или проигрыш судебного спора из-за банальных ошибок безграмотного договора. Такова плата за низкую стоимость услуг. Все риски неблагоприятного исхода защиты прав клиента ложатся целиком на него, поскольку заплатил он за оказанные ему юридические услуги, предположим, не три тысячи фунтов, а всего триста.

В течение какого-то времени «друзья Мак-Кензи» и прочие «знакомые-приятели» действительно оказывали безвозмездную помощь. Но сегодня все понимают, что «приятельская помощь» превратилась в бизнес. И как только профессиональное юридическое сообщество осознало, что процессуальные «друзья» стали перетягивать на себя часть клиентуры, оно начало бить в набат. Но, увы, до сих пор этот вопрос не урегулирован. Да и как его урегулировать? Формально «друзья» имеют право на участие в юридическом процессе. Они не могут представлять клиента в суде, не имеют права выступать перед судом, совершать различные процессуальные действия, но имеют право присутствовать в зале суда со своими клиентами, давать им советы и рекомендации. При наличии «друга Мак-Кензи» пригласивший его гражданин полностью сохраняет свое личное судебное представительство.

– Очень интересный рассказ, Арчи. Во всяком случае, для тех, кто так или иначе связан с законом. Вы хотите сказать, что ваша сестра имеет отношение к такому не совсем... э-э... – Макс подыскивал подходящее слово, – достойному бизнесу?

Арчибалд удивленно посмотрел на Макса, качнул головой, улыбнулся:

– А вы быстро схватываете.

– Логика вашего рассказа подвела меня к этой мысли. Значит, я прав?

– Да. Сестра Джесси уже несколько лет зарабатывает, будучи таким вот «другом».

– Но если в этом нет ничего противозаконного, то в чем проблема?

– В репутации.

– Ах, эта репутация!

– Понимаете, уже столько лет... Сто лет! Сто лет было в прошлом году нашей фирме. Еще мой прадед открыл юридическую контору. То есть качество предоставляемых услуг является неотъемлемой частью имени Кэмпбелл.

– А как давно сестра стала оказывать подобные услуги?

– Оказалось, что давно.

– Она сама рассказала вам о «дружеском» бизнесе?

– Нет, она скрывала от нас этот факт. Но, увы, однажды она присутствовала на процессе и консультировала клиента. В зале находились знакомые нашей семьи, они и донесли отцу. Он тогда очень сердился, был раздосадован ее выбором, просил оставить подобного рода бизнес. Но сестра отказалась. Отец пригрозил лишить ее наследства...

– Извините, а когда это было?

– Давненько, полтора года назад.

– И отец выполнил свое обещание?

– Этого не произошло. Две недели назад было зачитано завещание. В нем все осталось, как прежде.

– Что значит, как прежде?

– Завещание отец написал давно. Движимое и недвижимое имущество делится на три доли. Как я уже говорил, есть небольшие суммы, которые отец выделил садовнику Питеру, дворецкому Джону и миссис Стюарт. Пять тысяч фунтов отец завещал на благотворительность. Все остальное поделено между тремя наследниками.

– Я не вижу у вашей сестры мотива для убийства отца. Ну, поворчал старик... Однако ведь не лишил наследства!

– В том-то и дело... Он продолжал напоминать ей об этом. При встречах настаивал, чтобы она не позорила имя Кэмпбеллов, угрожал, что не оставит ей ничего. Они часто спорили. Папа пытался образумить ее.

– А что она на это отвечала?

– Вообще-то Джесси не особо реагировала. Она лишь смеялась и говорила отцу, что он старый ворчун.

– А мне нравится ваша сестра. И она права, знаете ли.

– Только одно дополнение. В сентябре, за три недели до смерти отца, она вновь присутствовала в качестве «друга» в суде, и клиент процесс проиграл. Такое бывает и у хороших адвокатов. Однако после процесса в газете появилась неприятная статья о том, что занятие «подруги Мак-Кензи» по фамилии Кэмпбелл – дочери уважаемого сэра Эндрю Кэмпбелла – весьма странное. Есть подозрение, что она не платит налоги. Да, журналист постарался... – Арчи сердито фыркнул. – Когда отец увидел эту статью, он очень рассердился. Вызвал Джесси на разговор и реально пригрозил лишить имущества и денег, если она не прекратит заниматься подобным бизнесом.

– Но непослушная дочь не пошла на уступки отцу?

– Не пошла. Она сказала, что проживет и без его денег.

– Вообще-то, Арчи, мне кажется, у вашей сестры сильный характер.

Арчибальд улыбнулся.

– Она с детства была упрямая. Джесси младшая. К тому же девочка. Ее все любили, баловали, – сказал он и как-то смущенно посмотрел на Макса: – Я люблю сестру. Но я перестал доверять ей. Я перестал доверять моим родным, а это плохо. – Он покачал головой, закрыл лицо руками. – К тому же дядя Роберт считает, что Джесси могла... поступить так, чтобы не лишиться наследства. Вы же просили честно рассказать обо всех возможных версиях.

– Я приму к сведению. Но все же, мне кажется, вопрос с наследством несколько притянут за уши. Так у нас говорят.

– Но мотив у нее есть, согласитесь?

– Очень слабый мотив. Однако давайте оставим эту версию как рабочую, – согласился Макс. – А вы? Вы подозреваете свою сестру?

– И сестру. И брата. И даже садовника.

– Садовника?

– Угу...

– И какой же мотив у садовника?

– Пока мотив не просматривается, – вздохнул Арчибальд. – Но парень мне несимпатичен. Возможно, такое личностное к нему отношение мешает мне логически мыслить.

– И чем же он вам неприятен?

– Знаете, в течение сорока пяти лет садовником в поместье работал Питер Грант. Сколько я себя помню, я помню и Питера. Ему под восемьдесят. Он долгое время был одинок, женился, когда ему было далеко за сорок. У него родились два сына. Семья всегда проживала в сторожке, на территории поместья. Они и сейчас там живут. Отец не возражал против того, чтобы они остались жить в поместье. Наверное, привык к нему за все эти годы. Но наступил момент, когда Питеру стало трудно исполнять свои обязанности. И за садом теперь ухаживает его младший сын Томас.

– И Томас, по-вашему, не справляется со своими обязанностями?

– В том-то и дело, что справляется прекрасно.

– Тогда откуда взялась эта неприязнь?

– Не могу объяснить.

– И все же постарайтесь. Это важно, Арчи.

– Он... Ну, однажды он проявил внимание к моей дочери.

– О! Отцовская ревность?

– Наверное.

– Возможно, потому что парень – просто садовник, а ваша дочь – мисс Кэмпбелл?

– И это тоже.

– Но ваш отец женился на обедневшей русской княжне, у которой, кроме фамилии, ничего не было. И они прожили долгую счастливую жизнь.

Арчи улыбнулся:

– Эта княжна знала пять языков, играла на фортепьяно, имела профессию медсестры... А парень лишь школу закончил. А может, и не закончил. Мне показалось, он был слишком навязчив. Я даже сказал Питеру, его отцу, что Томас ведет себя неприлично. К тому же у Эмили, дочери, он ответных чувств не вызывает.

– И давно вы разговаривали с его отцом?

– Два месяца назад. Вся семья собралась на семейное торжество. Я наблюдал в окно, как этот... Томас остановил мою дочь, удерживал ее за локоть и что-то говорил ей. Я вынужден был открыть окно и позвать ее. Только после этого он оставил ее руку.

– А как объяснила его поведение Эмили?

– Отделалась шуткой.

– Да?

– Сказала, что мальчик-садовник просто влюблен. Однажды она ему улыбнулась и немного с ним поболтала. Томас возомнил бог знает что.

– Ну... вполне разумное объяснение.

Макс подумал, что с этим молодым человеком нужно обязательно встретиться и поговорить. А вот с Арчибальдом этот вопрос больше обсуждать не нужно. Он зол на парня.

– Арчи, вы сказали, что подозреваете всех: сестру, брата, даже садовника. С сестрой мы разобрались. С садовником тоже все более-менее понятно. А ваш брат? Чем он заслужил ваше недоверие?

– Боюсь, вы не поймете меня, – тихо произнес Арчи и покачал головой.

– А вы объясните. Я постараюсь понять.

– Когда я сказал вам, что подозреваю всех, я был честен. Но у меня нет объяснения, почему это так. Просто я не верю в несчастный случай и хочу разобраться, что произошло на самом деле. И если это убийство, то существует виновный, то есть убийца. Кто он и почему убил отца, я не имею представления. Поэтому я нанял вас, чтобы вы помогли разобраться. Это нужно всем нам. Мне, в первую очередь. Я считаю, что убийцей мог быть любой человек: член семьи, друг, кто-то из работников дома. Мой брат... У него алиби, я знаю. У всех членов семьи есть алиби. Но совсем не обязательно убивать самому.

– То есть конкретного мотива убивать отца у вашего брата не было?

– Я такой мотив не нахожу. Но ведь это не значит, что мотив не существовал вовсе?

Макс не ответил. Арчи прав. Странное дело... Пока никаких доказательств и аргументов в пользу того, что произошло убийство, Арчибальд не предоставил. Наоборот, все говорило о том, что здесь, в этой уютной комнате с камином и «висковыми» стеллажами сэр Кэмпбелл либо покончил с собой: лишил себя жизни, слушая голос любимой жены и наслаждаясь бокалом виски (по версии полиции), либо просто по рассеянности (запамятовал!) вместо одной таблетки выпил сразу несколько (по версии всех остальных).

Но почему-то Макс разделял сомнения Арчибальда. Он и сам не мог понять, почему. Скорее всего, кто-то помог старшему Кэмпбеллу выпить столько таблеток. Но каким образом? И, самое главное, кому мог помешать восьмидесятишестилетний старик? Кто поторопил его кончину? Эндрю Кэмпбелл мог прожить еще пять-десять лет. Может, и того меньше. Но убийца не хотел ждать. Он, очевидно, имел очень веский мотив для того, чтобы ускорить смерть пожилого человека. И что же так торопило преступника?

– Арчи, давайте очертим ближайший круг людей, с которыми общался ваш отец. Я буду кое-что записывать. Не обращайтесь внимания. Рассказывайте. Начнем с работающих в доме. О близких чуть позже.

– О миссис Стюарт мы уже говорили. Я помню, что должен выяснить, какова сумма ее ренты. Хочу лишь добавить, что и мама, и отец доверяли ей абсолютно. Я никогда не слышал от них плохого слова в ее адрес.

– Расскажите о Джоне. Который не Бэрримор. – Макс хитро улыбнулся. – Как его... Робертсон?

Арчибальд кивнул:

– Да, Джон Робертсон.

– Как давно он работает в доме?

– Думаю, лет двадцать.

– Ого. Значит, он тоже пользовался доверием ваших родителей. Столько лет оставаться в доме.

– Вы правы. Джон надежный, преданный, тактичный человек. Сначала он занимался лишь домашними делами: прислужгой и хозяйством. Но уже лет пять как он стал личным секретарем родителей. Насколько я знаю, отец был очень доволен его работой, доверял ему. Джон

напоминал отцу обо всех встречах, визитах, вскрывал корреспонденцию и сам определял, насколько важна та или иная информация, следил за коммунальными платежами, налогами. Можно сказать, он вел все дела в поместье.

– Вы хотите сказать, что у дворецкого был доступ к банковским счетам вашего отца? – удивился Макс.

– Не думаю, что ко всем. Однако все, что касается домашних расходов и налоговых выплат – да.

– А вы интересовались счетами вашего отца? Э-э... не было ли каких необоснованных или странных трат?

Арчибальд удивленно посмотрел на Макса.

– У нас не принято интересоваться чужими деньгами. Если честно, я даже не в курсе, сколько тратит моя жена. Нет, что касается общих денег, – здесь все под контролем, у нас с ней есть общие счета. Но есть и отдельные. Мы друг друга не контролируем.

– Я спрашиваю не из личного любопытства, Арчи. Человек, который имел доступ к деньгам вашего отца, естественно, попадает под подозрение. Я ни в коем случае не хочу обвинить Джона в нечестности, но проверить ведение банковских операций вашего отца не мешало бы. В основе большинства преступлений лежит денежный вопрос, мистер Арчибальд. Вам ли, адвокату, этого не знать.

– Две недели назад было зачитано завещание отца. Кроме движимого и недвижимого имущества, которое было поделено на три части, нам досталась и приличная сумма денег. Никаких вопросов ни у нас, ни у нотариуса не возникло.

Макс очень хотел расспросить подробнее, что означает «приличная сумма денег», но постеснялся. Он лишь спросил:

– А Хилхаузи кому достался?

– Хилхаузи я выкупил у брата и сестры еще два года назад.

– Что значит, выкупили? Объясните, Арчи.

– Когда умерла мама, отец составил завещание. Имущество делилось на три равные части. Собственно, мы знали о содержании завещания, отец сразу поставил нас в известность о том, как он хочет распорядиться имуществом и деньгами. Так вот... Когда встал вопрос о поместье, отец пожелал, чтобы Хилхаузи остался в семье. Он понимал, что если кому-то из нас троих взбредет в голову продать свою часть, то остальные должны будут подчиниться. Однако дом и сад надо содержать. Это недешево. Отец переживал, захотим ли мы постоянно вкладывать деньги в Хилхаузи. Поначалу, возможно, да, но со временем... Сестра живет, в основном, в Лондоне, часто уезжает во Францию. У нее там дом. Брат тоже разъезжает по экспедициям. Тогда я, чтобы успокоить отца, предложил брату и сестре выкупить их доли. Как ни странно, они не возражали. Так что Хилхаузи принадлежит мне.

– То есть сэр Эндрю Кэмпбелл последние два года жил в *вашем* доме?

– Не совсем так. – Арчи усмехнулся. (Макс решил, что усмешка относится к непониманию Максимом Омским английских... тьфу, шотландских реалий. Поди разберись в их вековых традициях!) – В Шотландской юрисдикции действует так называемый «узуфрукт» – ограниченное имущественное право, которое объединяет два имущественных интереса: пользование (узус) и собственно «фрукты» (в переносном смысле – получение прибыли от вещи, которой владеют). Во французском законодательстве, например, узуфрукт применяется к наследству очень часто. В Великобритании такое право имеется только в Шотландии. По завещанию отца Хилхаузи должен принадлежать троим наследникам в равных долях. Однако я, скажем так, выкупил Хилхаузи у отца, но наделил его правом пожизненной ренты – лайфрент. Он оставался пользователем поместья до конца жизни. При продаже деньги получил не отец, а мои брат и сестра. Естественно, моя доля, как одного из наследников, была вычтена из стоимости поместья.

– Арчи, но у вас появился мотив для убийства отца. Как я понял, вы не имели права пользоваться домом до тех пор, пока отец оставался жив.

– Теоретически, да, это так. Но дом я выкупил, скорее, из сентиментальных соображений. Я, как и отец, не хотел бы видеть здесь других хозяев. Кстати, жена ворчала... Она была против этой сделки поначалу. Мне пришлось ее уговаривать. Но вы вправе задавать мне эти вопросы. Мы договорились, что я буду отвечать честно.

Макс кивнул. Объяснение его удовлетворило.

– Хорошо. Давайте продолжим. Мы говорили о Джоне. Вы могли бы поинтересоваться в банке движением денег на счету вашего отца за последние три-четыре месяца?

– Нет, в банке я вряд ли получу такие сведения. Но я поговорю с нотариусом, который заведовал делами отца. У него был обязательный доступ к счетам отца. Собственно, он рассчитывал все юридические траты, пошлины, все нюансы, связанные с наследством. Он обязан все знать о движимом и недвижимом имуществе. Да, пожалуй, у него я могу уточнить.

Арчи снова записал в блокнот поручение Макса.

– Странно. У вас собственная юридическая контора, а делами отца занимался посторонний нотариус.

– Увы, это так. Но я же вам говорил, что в Великобритании юридический бизнес находится под серьезным контролем. Родители приняли такое решение, чтобы уберечься от бесконечных проверок, а также избежать конфликта интересов наследников. Так как юридическая контора досталась мне (у брата другие интересы, сестра не изъявила желания работать под вывеской «Грегори Кэмпбелл»), то такое решение было оправданным и честным. Иначе меня могли бы заподозрить в давлении на родителей или сокрытии налогов. Профессиональная репутация стоит дороже, знаете ли.

– После смерти отца вы, Арчи, никого из работников не уволили. Я понимаю, что вы нуждаетесь в помощи миссис Стюарт. Садовник тоже необходим. Но Джон? Вы собираетесь увольнять дворецкого?

– Я еще не обсуждал с ним этот вопрос. Дело в том, что мы с женой пока не решили, будем ли мы здесь постоянно жить или оставим Хилхаузи как вторичное жилье. У нас уже есть небольшой дом на море. Все упирается в налоги и коммунальные услуги, которые в Великобритании очень большие. Пока я работаю, это вполне по силам, но годы берут свое. На пенсии содержать столько недвижимости – это расточительство. Значит, надо продавать квартиру. В общем, пока я не готов ответить.

– Следовательно, Джону Робертсону смерть вашего отца была совершенно не выгодна и крайне нежелательна. Ведь он понимал, что новому хозяину поместья его услуги могут не понадобиться.

– Джон спрашивал меня после похорон отца, что я решил в отношении работников дома. Я честно ответил, что мне нужно время для раздумий. Пока все остаются на местах и продолжают исполнять свои обязанности. Во всяком случае, если я буду увольнять персонал, то должен сообщить им об этом за два месяца до увольнения.

– У дворецкого хорошая зарплата?

– Вполне приличная. И несмотря на то, что сейчас у Джона меньше обязанностей (секретарь мне не нужен, как вы понимаете), он остался работать на тех же условиях.

– И еще вопрос. Джон живет здесь, в поместье?

– Да. У него своя комната в доме.

– А как же семья?

– Он одинок.

– Никогда не был женат?

– Был, почему же... И даже имеет дочь. Но его жена сбежала с каким-то актером из провинциального театра. Забрала с собой ребенка. Это давняя история. Прошло пятнадцать лет.

Жена работала здесь экономкой. Скорее, просто работницей на кухне. Она хорошо готовила. Пожалуй, это и все ее достоинства. Довольно неприятная особа, насколько я помню.

– А что известно о его дочери?

– Ничего не знаю. Поначалу девочка приезжала сюда на каникулы. Но уже лет пять я ничего о ней не слышал. Я Джона не расспрашивал.

– Как вы считаете, я могу поговорить с ним о его близких?

– Э-э... если честно, это не принято. Интерес к чужой жизни не поощряется. Но в сложившейся ситуации... Я поговорю со всеми работниками, чтобы они были максимально открыты с вами. И объясню, что ваше внимание к их личной жизни вызвано лишь профессиональным интересом – расследованием смерти отца. Но они вправе не отвечать на ваши вопросы.

– Значит, все работники в курсе, что я веду расследование?

– Работники пока не знают. Сегодня я всем сообщу. А близкие – да, знают все.

– И как ваши родственники восприняли ваше решение нанять детектива?

– Как пустую трату времени и денег.

– То есть ваша затея им не понравилась? – засмеялся Макс.

– Они просто недоумевают, как такая идея могла прийти в мою голову. Тем более они не понимают, почему я нанял какого-то русского сыщика! – Арчи, наконец, тоже рассмеялся. Расслабился.

– А я их понимаю. – Макс продолжал веселиться. – Что ж, самое время перейти к родственникам. Если вы еще не устали от моих расспросов, конечно.

– Немного устал. Но раз надо – значит, надо. Итак, моя семья: жена Виктория, дочь Эмили, сын Александр. Дочери двадцать один год, сыну тридцать. Сын женился год назад (невестку зовут Инес), скоро у меня появится внук или внучка. Об этом мы тоже хотели сообщить папе, но не успели. Он всегда говорил, что хочет дожидаться правнуков, а потом, мол, уже можно встречаться с Машей. Это еще один аргумент, пусть небольшой, в пользу того, что он не собирался уходить в иной мир по своей воле.

– Чем занимается жена и дети? И где они были в день смерти вашего отца?

– Сразу сообщаю вам, что у всех членов семьи есть алиби на момент совершения... э-э... смерти отца. Что касается жены, она была в салоне, наводила красоту. У нее есть небольшой бизнес – салон красоты. Но она собирается его продавать, ищет покупателя. Дочь в это время была в Лондоне. Она студентка. Сын с невесткой живут в Эдинбурге. Думаю, в это время они тоже были далеко от Хилхаузи.

Макс отметил это «думаю». Значит, Арчи точно не знает, где были в день смерти деда Александр и его жена. Он отметил, да, но не переспросил. Надеялся прояснить этот вопрос у самого Кэмпбелла-младшего в пятницу. И сделать это очень деликатно. Макс уловил и еле заметное напряжение в поведении Арчи, когда тот стал говорить о сыне. Пожалуй, расспросы о детях лучше не продолжать.

– Хорошо. Расскажите немного о семье брата и сестры.

– Брат Максвелл, его жена Кристин, сын Ирвин, дочь Алиса.

– Уф... Сложно запомнить.

– Вы со всеми познакомитесь. Как я уже сказал, все соберутся в Хилхаузи в пятницу.

– Вы говорили, что брат был в экспедиции. Чем он занимается?

– Максвелл – ученый-географ. В день смерти отца он находился в Патагонии. Его интересуют вековые льды.

– Ого! Далеко... Значит, он не приезжал на похороны?

– Нет. Он вернулся из экспедиции лишь неделю назад. Мы связывались с ним. Максвелл согласился, чтобы похороны прошли без него. Долететь из Южной Америки не так-то просто. К тому же он находился далеко от города, где есть аэропорт. На похоронах были племянники и

жена брата. Кристин, жена, также занимается научными изысканиями. Она преподает в Эдинбургской высшей историко-географической школе. Дети студенты. Племянница заканчивает университет по курсу права. Отец был рад, что внучка выбрала семейное дело. А племянник... Он, знаете, парень хороший, – Арчи тщательно подыскивал слова, рассказывая о детях брата, – хотя дважды оставался на второй год в школе. Но все же закончил школу, правда, потом еще год бездельничал. Да, доставил он Максвеллу хлопот. Но в прошлом году Ирвин взялся за ум, поступил в высший колледж, начал серьезно заниматься программированием. Он учится в Лондоне.

– У всех есть алиби?

– Я вам оставлю полицейские протоколы. Когда у полиции появились результаты вскрытия, формальное расследование они все же провели: опросили родственников на предмет алиби. Сделано это было чисто символически. Как у вас говорят: для галочки. Насколько я знаю, да, у всех есть алиби. В то утро все находились в другом месте, далеко от Хилхаузи.

Арчи на несколько секунд задумался. Макс не прерывал его.

– Сестра Джесси... – продолжил он после паузы. – О ней мы с вами уже говорили. Она юрист, закончила Эдинбургский университет, факультет права. У нее есть дочь. Девочка не совсем обычная... – он снова задумался, искал слова. – Ионе двенадцать лет. Она фантазерка и... как бы это сказать... – он по-доброму улыбнулся, – творческая натура.

– Что-то со здоровьем? С психикой?

– Нет-нет. Все нормально. Вы сами увидите.

Макс понял, что Арчибалд устал. Видимо, пора заканчивать «интервью». Он лишь уточнил, есть ли другие работники в доме, кроме миссис Стюарт и Джона. Оказалось, что по понедельникам и четвергам в Хилхаузи приходит убирать Ева Колесник.

– Русская? – удивился Макс. – Украинка?

– Нет, полька.

– И как давно она работает?

– Года четыре. Ее тоже нанимала мама.

Перед самым отъездом, около семи, Арчи попросил всех работников собраться в центральном холле. Когда Макс спустился в холл (или, вернее, поднялся... тьфу ты, не разобрался пока с этими лабиринтами и этажами), кроме Джона и миссис Стюарт, здесь уже находились садовник Томас и его отец Питер. Макс отметил, что Томас хорош собой: голубоглазый, хорошо сложенный молодой человек (такие нравятся девушкам!). Соломенные волосы свободно спадали на плечи, а открытый, чуть насмешливый взгляд привлекал внимание. Парень не так прост, каким находит его Арчи. Надо к нему присмотреться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.